литературный альманах

Выпуск 2

Милая сторонушка

КАЛАЧ-НА-ДОНУ
2009

Дорогие читатели!

Перед вами второй выпуск литературного альманаха «Милая сторонушка».
В нашем творческом сообществе пополнение: начинающие и пишущие давно, пытливые и талантливые, и совершенно разные личности.
Они открывают свой мир, со своим солнцем и небом, правдой и ложью, радостью и болью.
Приглашаю вас перевернуть страничку.
Пусть магический язык слов и чувств унесет вас в волшебную литературную страну.

Васильченко Л. А. Гаврилеенко Е. Горбатова П. К.

Жираковский Е. В. Закомолдин Г. А. Кучменко А. А.

Ломакина Е. Мотина А. Палкин Б. М.

Погорелова Т. П. Пономарева Г. Н.

Сауткина А.Н.

Скороходов В. И. Соколова О. М. Торопова М. Н.

Турченков Н. С. Тюрморезова С. А.

Шарова Л. Н. Шавкунова Э. Л.

Щеблыкин А. С.

Васильченко Лариса Анатольевна

(возвращение к оглавлению)

***

Родниковая синяя сказка
С синей музыкой ласковых струй,
То спокойная песня, то пляска,
То таинственный всплеск: «Не горюй!»

Не горюй о земных расставаньях
И в свою беззащитность не верь.
Синей птице в своих ожиданьях
Приоткрой заповедную дверь.

Научись быть свободным и ясным,
Чистотой пропитайся насквозь.
Если что-то считаешь напрасным,
Как ненужное слово отбрось.

Пусть тебе сокровенную тайну
Родниковая дарит струя,
Ты к истокам пришёл не случайно
Может быть, отыскать своё Я.

АКВАРИУМ

Кусочек восхитительного мира
Живых плывущих радужных цветов
Аквариум - настроенная лира
Меня утешить и понять готов.
Прильнув к стеклу, сам таешь в этом мире,
Законам подчиняешься иным,
Живая сказка у меня в квартире,
Подаренная щедрым Водяным.
В нём свой закон, свои права и войны,
Своя любовь, в нём воздухом - вода,
И жители - спокойны и достойны,
Здесь время тает, плавится беда.
Я прихожу к нему за утешеньем,
Спокойствием наполнюсь до краёв,
Я растворяю в нём свои сомненья
И время пью, как воду из ручьёв.
И стены раздвигаются всё шире,
Аквариум в аквариуме в ряд…
Я за стеклом в чужой большой квартире,
И тоже изучает чей-то взгляд.

***

Падают секундами дождинки,
Собираю время про запас.
Я иду по самой серединке
Улицы невысказанных фраз.
Сколько их готовых и ненужных
Создаём на жизненном пути.
Пробираемся путём окружным,
Компромисс стараемся найти.
А они - кусочек нашей боли,
Так и не рождаются на свет,
Подчиняясь нашей жёсткой воле,
Наших не отпразднуют побед.
И живут в своём особом мире,
В стороне несбывшихся минут,
Может даже у тебя в квартире,
Возрожденья осторожно ждут.

***

Асфальтовые реки переулков
Текут, текут под нашими ногами,
Нам вторят рассудительно и гулко,
И эхо откликается слогами.
А пульсом каблучковых перестуков
Свою судьбу сверяют с нашим ритмом,
И пеньем шин округу убаюкав,
Себя равняют с нашим алгоритмом.
Часть правды есть, мы меряем шагами
Асфальтовые серые дорожки,
И беличьими вечными кругами
Себя ведём к светящимся окошкам.
В наш тихий мир покоя, и уюта,
К нему мы каждой клеткой прикипели,
А дом, как корабельная каюта,
Прикован прочно к драгоценной мели.
В себе несём и время и пространство,
Им смысл даём своим существованьем,
А улицы, как плата постоянству,
До нашего причала расстоянье.
Так пусть текут асфальтовые реки,
В себя вбирая, память о прохожих,
Следы шагов, запечатлев навеки,
Они на нас немножечко похожи.

***

Маленький тёплый комочек
Серые глазки чисты.
Лучшая в мире из дочек,
Милая девочка ты.
Вот и косичка струится
Светлым блестящим ручьём,
Надо же так получиться,
Ты - продолженье моё.

Прячешь под школьной тетрадкой
Где-то добытый роман,
Вот уж вздыхаешь украдкой,
Полон записок карман.
Пусть не коснутся печали
Умных и радостных глаз,
Бог сохранил и в начале,
Бог сохранит и сейчас.

***

Как эта гроздь похожа на тебя,
Полна, как ты, чарующего вкуса,
Не избежав осиного укуса,
О летней быстротечности скорбя.
Она, как ты, прозрачна и чиста,
Полна лучей, украденных у солнца,
И пьют её, как и тебя до донца,
Как тайный смысл прекрасного холста.
И как лоза, твоя питает грудь
Другую жизнь от самого рожденья,
Отбросить все тяжёлые сомненья
И начертать всем самый светлый путь.
И лишь потом, сгораем, иль дымим,
Мы пьём лучи, иль ищем полутени,
О, жизнь, в твоих, Величество, владеньях
Так хочется освоиться самим.
И лишь самоотверженность избрав,
Подобен станешь грозди винограда,
И этот крест - особая награда,
Одно из самых человечных прав.

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

У тебя я сегодня в гостях,
Моя грустная жёлтая осень.
Расскажи о своих новостях,
Но не трогай небесную просинь.
Таких долгих спокойных минут
Не найти торопливой весною,
Листья жёлтые ласково льнут,
Наполняют меня тишиною.
Ты не лей бесконечный туман
На мою лебединую песню
Из струящихся листьями ран
Может быть, моё завтра воскреснет.
Ты стоишь у меня под окном
С тополиной зажжённой свечою,
Стелешь землю янтарным сукном,
Золотою сияешь парчою.
Протянула мне красную гроздь,
Угощая рябиновым вкусом,
Но серебряный маленький гвоздь
Колет душу прицельным искусом.
Не конец ты, совсем не конец,
Ты спокойное время расчёта,
Ты - пора обручальных колец,
Ты - недельная наша суббота.
У тебя я сегодня в гостях
Моя грустная жёлтая сказка,
Ты, как мёд в виноградных кистях,
Нашей мудрости жёлтая краска.

***

Такая сладкая минута
Я отдана самой себе.
Луч, зеркалами изогнутый,
Как изменение в судьбе.
Моя спокойная усталость
Копилась будто целый век,
Кошачьей мягкой лапкой жалость,
К самой себе, коснулась век.
Себя немного пожалею,
Ещё немного погрущу,
Слезу на щёки, как камею
В шкатулку, тихо опущу.
Мои счастливые мгновенья
Принадлежать себе самой.
Сирень, с настоянным терпеньем,
Следит, прикрытая каймой
Полупрозрачной синей шторы,
За тишиной в моих глазах.
На стену падают узоры,
Чуть дышит стрелка на часах.
Её толкну, упёршись взглядом
И вместе с нею оживу.
Свистит синица где-то рядом
И ветер шевелит листву.

***

О, эти четверговые дожди,
Меня наполнят вечным ожиданьем,
И блоковским сиреневым дыханьем,
И бальмонтовской рифмой впереди.
Они настроят на особый лад:
И ждёшь цветущий в сентябре шиповник.
Ахматовский жасмин на подоконник -
Как самую из редкостных наград.
А может быть, цветаевской страной
Пройду я неумелыми шагами
И шар земной качнётся под ногами,
И будет плыть, хотелось, чтоб со мной.

А мокрый пастернаковский февраль
Слегка затронуть шариковой ручкой,
Ведь нет чернил, себя встряхнувши взбучкой,
Отправиться в есенинскую даль.
И тут же вспомнить: ползать - не летать,
Я горьковскому отдаюсь наказу,
Пять странных строф, но всё-таки не сразу,
Кому-нибудь осмелюсь прочитать.

***

Верни мне миг, мой непростой февраль,
Где на три дня спрессованней минуты,
Далёкий миг, его до боли жаль:
Я не хочу утратить ни секунды.
Верни мне миг, мой непростой февраль!

Верни мне час, мой ветреный февраль,
Он улетел, иль растворился в лужах?
Пусть серый, и совсем не пастораль,
Он был его! Сейчас мне так он нужен!
Верни мне час, мой ветреный февраль!

Верни мне год, мой ледяной февраль,
Но тот, другой, он не был високосным,
Он мягким был, как пуховая шаль,
Он весь сиял, он был семиполосным.
Верни мне год, мой ледяной февраль!

Верни мне жизнь, могучий мой февраль,
Как дирижёр, командуешь годами,
Те миг и час, и год сложу слогами,
А в них вся жизнь, вот в этом и печаль!
Верни мне жизнь, могучий мой февраль!

***

Не складывай ладони пагодой
И синих глаз своих не лей,
Я не твоею спею ягодой
И буду рифмой не твоей.

Ты сам не свой от осторожности,
В ответ, пытаясь заглянуть,
А я молчу, и нет возможности,
Как стрелки, время повернуть.

Для нас с тобой заря вечерняя
Не будет утренней зарёй.
Уже глазам твоим неверная,
Хоть бей словами, хоть зарой.

Не склеить, не сложить: не сплавится
Седой декабрь и мой апрель.
Сквозь трещины слезой лукавится
Твоя обманчивая цель.

Не складывай ладони пагодой
И синих глаз своих не лей.
Я не твоей поспела ягодой,
Я стала рифмой не твоей.

***

Ты дарил мне звезду.
Ты упрямый, немного картинный,
Но она, словно ртуть не хотела ложиться в ладонь.
Ты дарил мне звезду
В голубой, словно небо гостиной,
Бился ветер в траве, словно кем-то стреноженный конь.

Ты дарил мне звезду,
Ты казался надёжным и верным:
Можно в щедрость играть, обещанье увидев в глазах.
Я звезду отпущу,
Сохраню её мир суверенным,
И скользнёт её луч, словно зайчик в моих волосах.

Ты дарил мне звезду,
Ты хотел сохранить равновесье,
Между звёздной страной и скольженьем по тонкому льду,
Но дрожала она,
Уносила с собой в поднебесье,
Мной неузнанный плен, что у всех был на самом виду.

Не дарите небес,
Не дарите Луны и созвездий,
Лучше звёзды своих очарованных, преданных глаз,
И дарите «Люблю»,
Драгоценнее всяких известий,
С жарким сердцем в руке, но дарите его только раз.

***

Маленькая жёлтенькая пташка
За холодным вертится стеклом.
Ветер сушит, словно промокашка,
Мокрый день с развешенным бельём.

Ищешь что в оконном переплёте
Свой ли, мой ли голубой апрель?
А находишь осень на излёте,
До весны четырнадцать недель.

До весны ещё тугая стужа
Долго будет месяцы считать,
И окошек маленькие лужи
От испуга будут застывать.

Ты с моей не кормишься ладони.
Не подаришь жёлтое перо,
Вон стоит кормушка на балконе,
С вкусным просом целое ведро.

Ты же равнодушна к подаянью,
Клювиком листаешь тишину,
К моему прибавив ожиданью,
За окном растущую сосну.

***

Струился снег. В оконном переплёте
Запутался случайный огонёк.
Я подожду тебя на повороте,
Набравшись духу, выслушать упрёк.

Опять не так, я снова не такая,
Не так смеюсь, не с теми говорю,
Тебе в твоих капризах потакая,
Себя в своём безволии корю.

Но снег идёт пушистый, невесомый.
Исчез под белой шубой поворот,
И мир другой, и ты мне незнакомый,
А я всё та, и дел невпроворот.

***

Я лесной очарована сказкой,
Замерла в переплёте лучей.
Мне своей белоствольной указкой
Подарила берёзка ручей.

По дорожке его быстроструйной
Пробегает мой летний денёк.
Хитрый гриб в чудной шляпке валуйной,
Растерявшись, присел на пенёк.

В полутьме комариное царство
Легкокрылым оркестром звенит,
Светлый лес - равноправное рабство
Кто бездарен и кто знаменит.

Я к тебе погружаюсь в неволю,
В запах листьев, в берёзовый плен.
И с собой уже больше не спорю,
Получив равновесье взамен.

БЕССОНИЦА

Прошу тебя, моя бессонница,
Не приходи сегодня ночью.
Хочу немного успокоиться,
Хочу привыкнуть к многоточию,
Какое ставишь, не советуешь,
Во всех событиях ушедших,
И каждой ночью исповедуешь
В грехах, прощенья не нашедших.
Какая ты многоголосая:
Что он сказал, что я сказала?
И почему простоволосая
За ним тогда не побежала?
Не различив гордыню с гордостью,
Вослед отправив междометья!
А ты с очередною новостью
На после сколько-то там летья.
А новость та пластинкой старою
Меня заевшим звуком точит,
Над несчастливой нашей парою
Моя бессонница хлопочет.
Угомонись, устала маяться
В ночах, качаемых Луною,
И что ушло, пусть там останется
С, уже незначимой, ценою.

. ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ .

***

Взгляд застрял у знакомой проталинки.
Его в плен забрала тишина.
Тонким лучиком, лёгким и маленьким
Посылает синицу сосна.
Держит глаз её жёлтые пёрышки,
Ловит ухо затейливый свист,
И слова, словно круглые зёрнышки,
Осторожно я сыплю на лист.
Для меня ты такая желанная,
Столько света в твоей простоте!
Почему эта связь наша странная
К непонятной приводит черте.
То ль была, то ли быть мне синицею,
Собирать по крупицам зарю,
И тому, кто корпит над страницею,
Как букет поднести к ноябрю.

БОЛЕЗНЬ

Как странно безголоса тишина,
В стократ усилит остроту момента.
Вдруг чётко понимаешь, что одна,
А с миром связь - лишь узенькая лента
Из стуков сердца бдительно фонит,
Но прочно держит хваткою железной
И тащит за собою, как магнит,
Из пустоты чужой и бесполезной.
И держишься за этот каждый стук,
И тянешься к спасительным ступеням,
И губы сжать, как тетивою лук,
Дать прикоснуться к вечности коленям.
Испить, избыть, изведать тайный миг,
Избить себя надеждою прощения,
Воскреснуть вновь, увидев светлый лик
Дарованного мне преображенья.
И трудный вздох неспешно отпустив,
Вновь каменеть от ужаса расплаты,
И не заметить неземной призыв,
Войти в свой мир тропинкою из ваты.

СЛАДКИЙ ПЛЕН

Что творится? Что творится?
Белый омут во дворе.
Я раскину шаль, как птица
Крылья, в белом серебре.
Я - почти что королева
Возвышаюсь и молчу,
Снег ласкает справа, слева,
Нежно гладит по плечу.
Он, почти, в меня влюблённый,
Тихо льнёт к моим глазам,
Он, согласьем окрылённый,
Он творит согласье сам.
Он не празднует запоров,
Он свивает время в жгут.
Он со мной внутри собора
Из оснеженных минут.
Но не буду я надменной,
Просто сдую снег с лица,
Я хочу остаться пленной
В вихре белого кольца.

ОПТИМИСТИЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Куролесит ветер в ветках,
Натирает гладь луны.
На прохожих смотрит редких
Вечер будущей весны.
А от лунного избытка
Бьёт колодезный озноб.
Вот дорожка, вот калитка,
Вот ещё живой сугроб.
Изогнулся у забора
И глотает лунный свет.
Не найти нигде запора
От моих серьёзных лет.
Кто-то быстро их считает:
Десять, двадцать, …, пятьдесят
Жаль, уже снежок не тает
На висках лет пять подряд.
Уговора не нарушу,
Лишь весной из глаз плесну…
Только в душу, только в душу

***

Меня к себе приговорил
Судья? Присяжный? Соучастник?
По лестнице и без перил
Я надо льдом! Сегодня праздник.
И в шаткости ищу восторг,
Едва держусь за взгляд любимый,
За миг, тягучий, словно шёлк,
И сладкий и невыносимый.
Меня к себе приговорил
И больше я не рвусь на части,
От счастья я почти без сил,
Но возрождаюсь соучастьем.

***

Сегодня кончилась зима,
Сегодня я помолодела.
Совсем не слушаюсь ума,
Но вот беда, не слышу тела.
Оно со мной и не со мной,
В нём нет броженья вешних соков.
Я знаю, снежной пеленой
Оно прикрылось от упрёков.
Душою рвусь я на восход,
И тело не пущу к закату,
И далеко ещё черёд
Чинить и получать расплату.
Я вскипячу весенний сок,
Зажгу огонь удачной рифмой,
И обойду наискосок
Печальный и конечный риф мой.

***

Что связало с тобой? Нелюбовь?
Нетерпенье? Неволя? Не вера?
Та же чёткая яркая бровь,
Те ж глаза рокового размера.
Тот же лёгкий порывистый шаг,
Уносящий тебя в недоступность,
И незначимый каждый пустяк
Сразу вдруг превращается в трудность.
Не моя, не обнять, не понять
С безнадёжной частицею этой.
Нелюбовь, не судьба. И опять
Одиночеством стынут рассветы.

ТУМАН

На реке туман - вчерашний сон
Манит тайной и чуть-чуть пугает,
Он настроен мыслям в унисон
И меня в сегодня не пускает.
Он, как сон, неясен и тягуч,
Оставляет странные намёки,
В переливах белых спрятан ключ:
Будет что, когда, в какие сроки?
Я стою ль? Плыву ль? На берегу
Отливают белым чьи-то тени.
Я хочу бежать и не могу,
Мне они опутали колени.
Как во сне бежишь - не убежать
От своих нечаянных ошибок.
Сон-туман, ты можешь убеждать
Тишиною отзвучавших скрипок.
Белым духом следуешь за мной,
Ты в моё вливаешься сознанье,
И как стих мой, вскормленный луной,
Мне подарок? Или наказанье?

ЗАРИСОВКА

Дождливый рассвет за окошком,
Как серо-жемчужная шаль,
По мокрым забытым дорожкам
Забытая бродит печаль.
Она из весеннего леса
Случайно сюда забрела,
Степенно стекает с навеса
Предвестником светлым тепла.
Она заструилась туманом,
Из лужи испила воды,
И к снежным подтаявшим ранам
Свои добавляет следы.
Весну, разглядев за неделю,
Надрывно кричат петухи,
Своё ожиданье апреля
Вплетаю, как нитку, в стихи.

***

Украдкой луч ко мне скользнул в окошко,
Приник к щекам: ласкает и пугает,
А лёгкая ольховая серёжка
Собой весь мир огромный прикрывает.
Она мягка, как маленький цыплёнок
Клюёт с ладони солнечные зёрна.
Ворваться в мир? Но нет пока силёнок!
А я смотрю спокойно, и покорно
Дождусь шелков зелёных, шелестящих,
Дождусь вишнёвой кружевной метели,
Дождусь из снов, под утро приходящих
«Люблю, люблю…», как отзвуки капели.
Но луч скользнул, проглоченный портьерой,
И одиноко тает пух ольховый.
Вчерашний мой, с моей напрасной верой,
Покажется несбыточной обновой.

СМЯТЕНИЕ

Молочно-белая Луна
Висит над чёрным морем,
И ночь металась, как волна,
Вдруг застывала, как стена
Меж радостью и горем.
Между молитвой и хулой,
Между мечтой и явью,
Меж добродетельной и злой
Мной, не испорченной хвалой,
Не за, а перед гранью.
Меж бурей нескольких минут
И тишиной причала,
Где верят, помнят, любят, ждут,
Вдруг разом все мосты сожгут
И всё начнут сначала.
Меж яркой искрою слезы
И звонкой трелью смеха,
Меж чёрной пропастью грозы
И миром, полным бирюзы
Желанного успеха.

НАСТРОЕНИЕ

Кружевные тени –
Кружевная вязь,
Обхватив колени,
Плакать собралась.
А о чём - не знаю,
Может о весне,
Лебединых стаях,
Розовом коне?
Или о тропинке,
Что хранит твой след,
И ли о травинке,
Что была и - нет.
Может о рассвете
И живой росе,
Об ушедшем лете
И своей косе?

О себе, счастливой,
Или о тебе?
Мышкой суетливой
Спрятался в толпе.
Всё-таки не буду,
Потянулась всласть!
Сброшу пересуды
В кружевную вязь.

ЯБЛОЧНЫЙ СОБЛАЗН

Спелые яблоки, что за досада?
С веток в окно из соседского сада.
Я цепенею, нет мне спасенья,
Мне не хватает телодвиженья.
Мне не хватает запаха мяты
В вечном искусе, мы страстью распяты.
Мне не хватает смелости Евы
В рабстве телесном стать королевой.
Яблоки тлеют в сиреневом свете,
Каждое яблоко - тысячелетье!
Запах медовый слева и справа
Я - отступаюсь, я - не Варравва.
Я - отрекаюсь, глотаю досаду -
Прочь искушенье эдемского сада!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночка чистит пёрышки, сеет в небе звёзды,
В тучке, словно в гнёздышке, месяц - носик острый.
Не шалите пальчики, набирайтесь силы,
Маленькие мальчики вырастут большими.

За окном несмелая тишина крадётся,
С неба тучка серая дождиком прольётся.
В тоненькие цепочки лунный свет совьётся,
Маленькие девочки станут краше солнца.

Мы играли в « ладушки», а теперь устали
Дремлют зайки рядышком, целый день скакали.
Сон и сказка добрая колыбель качают,
Мальчики и девочки сладко засыпают.

Гавриленко Екатерина

(возвращение к оглавлению)

СТИХИ И ПРОЗА

***

Может, когда-нибудь, я снова задумаюсь, что такое любовь, почему, вдруг чужой человек становится необходимым? Почему наступает эта зависимость от встреч, разговоров, ласк?

Может, когда-нибудь пойму, куда, потом, пропадает луна и звезды, несущие в себе романтику вечера? Что такое любовь и куда она уходит? Может, когда-нибудь спрошу, но не сейчас.

Сейчас мне хорошо. Я иду одна в тишине ночи, легкий ветерок обдувает лицо и я свободна. Свободна, как птица, как этот мотылек, что бьется вокруг фонаря. Сердце моё порхает вместе с ним, оно свободно, оно замирает и несется вскачь от одной мысли об этой свободе. Я иду, и звезды сыплют на меня свои красоты, и я внимаю им, ветер тепло обнимает меня, и я шепчу ему: «Родной мой». Я дышу…

***

Белый цвет мне напомнит о тебе. Значит, я люблю зиму и снег, который сыплет пушистыми хлопьями из непроглядно – серого неба. И я люблю его, почти как тебя до боли, до оцепенения, этот воздушный, сверкающий, холодный кристалл у меня на ладони. Секунда – и он растает, теперь это просто вода.

Придет весна и солнце согреет землю, растопит снег, и ничто уже не всколыхнет мою память. И я забуду…

Я буду смеяться, и петь, глядя на веселое пламя костра, который будет гореть в саду, где когда-то лежали сугробы.

***

Тихой музыкой льется лунный свет в мое окно. Эта музыка проникает прямо в сердце. В ней и грусть, и печаль, и надежда на счастье. В ней мое утешенье, потому что ты тоже облит её светом и мы как бы одно с тобой, хотя и вдали. Я сижу у окна и смотрю в ночное небо. Оно завораживает, и невольные слезы катятся из глаз, от невозможности раствориться в звездных объятьях. А назавтра, как только покажется первый луч солнца, на траве заблестят росинки. Это упавшие слезы одиноких девушек, ждущих, как и я, свою любовь.

***

Может, само неторопливое течение реки определяет ритм жизни этого небольшого городка. Разливаясь весной, и убывая осенью, река несет свои серые воды, обмывая песчаные берега. Люди рождаются и умирают, сменяются поколения и времена, но река вне времени. Она движется, но остается неизменной. В ней сила и гибель, красота и слезы. Но, глядя на неё, хочется жить, жить, пока течет перед глазами река, хочется жить в памяти народа, пока помнят её, её гордые воды.

***

Как мотылек, на свет свечи
Лечу сквозь ночи тьму.
Зачем так сладко манит он,
Куда и почему?
Зачем так слепо верю в то,
Что свет свечи – добро,
Ведь знаю точно, мне в огне
Погибнуть суждено.
Огонь страстей не для меня,
Но страх презрев, лечу…
И вдруг, как жизни талисман,
Порыв задул свечу.
Тьма крепко обняла меня,
Но руки холодны…
Так, что же выбрать –
Свет свечи или объятья тьмы?

***

Зачем идет снег?
Белыми хлопьями
Большими, пушистыми,
Ведь март на дворе.
Огромное, чистое
Небо должно быть
Над головою,
Зелеными листьями
Вскоре должно быть
Украшено всё.
Большими, пушистыми
Хлопьями чистыми,
Светом насыщена
Зима ожиданье поет.

***

Твой образ хотела из сердца я вырвать
Навек.
Но, оказалось, ты слишком мне дорог
Мой человек.
Тот, о котором не знаю я, кто ты,
Любимый?
Тот, с кем связала судьбу я в мечтах
Воедино.
И снова я грежу теплом твоих рук
В темноте.
И вновь улыбаюсь далекой звезде,
Как мечте.
И ты мой «далекий, чужой и желанный»
Навек.
Я образ храню твой в душе, как спасение
Мой человек.

***

Я не вижу тебя и скучаю,
И с тобой мне тоскливо опять.
Может, стоит расстаться, не знаю,
А, наверное, стоило б знать.
Без тебя мне в ночи одиноко,
Лаву губ вспоминаю дрожа…
Разум холодом сердце остудит,
Только рана осталась свежа.
Я не вижу тебя и скучаю.
Ветру имя твоё повторю.
Не мечтая желать – я желаю,
Не желая любить – я люблю!

***

Я остро чувствую измену
Я четко вижу в сердце нож.
Ты между нами ставишь стену,
И та стена зовется – ложь.
Ты лжешь мне, молча и незримо,
Но я-то знаю, что и как.
Как будто ты проходишь мимо

И опускаешь в землю взгляд.
В глазах вина, и стыд и память,
И оправданье на губах.
Не знаешь ты, как может ранить
Ложь во спасение в словах.
Я остро чувствую измену,
Я четко вижу в сердце нож…
Я разобью ту фальши стену,
И, став свободным, ты уйдешь.

***

Мне приснилось однажды-
Я иду по тропе.
Слышу шаг четко каждый
Приближаясь судьбе.
Гулкий колокол церкви
Возвещает покой.
От рожденья до смерти
Быть мне рядом с тобой.
Кто-то в дымке смеётся,
Знаю, близкий, родной.
В сердце звон отдается –
Будь навеки со мной.
Я иду по тропинке,
Счастья слезы слепят.
Мы с тобой по-старинке
Совершаем обряд.
Я иду и не знаю –
Это только во сне,
Наяву же мечтаю
О далекой весне.
Но когда-нибудь, может
Обрету я покой
И надежду, что всё же
Быть мне вместе с тобой.

***

От мороза щеки алы.
Воздух льдинкой колет тело.
Звезды светом запоздалым
Озаряют тьму несмело.
На морозе стынут слезы
У девчонки, в сердце пламя.
Он её девичьи грёзы
Растоптал, и душу ранил.
Он отверг её признанья
Посмеялся, лишь над ними.
«Что ж ты сделал, Саня, Саня» -
Её губы говорили.
Его взглядом провожала
Затуманенным слезами.
Следом с криком побежала:
«Что же дальше будет с нами?»
Как упрек ему рыданья
В спину бросить захотела....
Оглянулся. Вмиг желанье,
Словно, птица улетело.
«Нет, молчи, молчи, любимый,
Сердцу все давно понятно.
Вот с такой как я, наивной
Поиграть, порой приятно».
Долго-долго вслед смотрела…
На морозе стыли слёзы.
На губах любовь горела
Цветом опаленной розы.

Горбатова Прасковья Кузьминична

(возвращение к оглавлению)

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Приближались вечерние сумерки. За окнами стало темно, подняться включить свет, не было сил.

Да и нужен ли он свет? Читать не хотелось, кушать тем более, говорить не с кем. В палате лежал он один, две койки были аккуратно заправлены.

Ни о чем не хотелось думать, сон не шел.

Открылась дверь, щелкнул выключатель, свет разлился по палате.

– Здравствуйте больной. Ой, Саша, это ты у нас?

Медсестра Тамара пришла на ночное дежурство. На душе потеплело. Он через силу улыбнулся.

– Как себя чувствуешь?

Тамара пододвинула стул к койке, взяла слабую исхудалую руку, чтобы услышать удары пульса. Пульс был слабый. Человек прикован к постели. Сознание ясное, он привык и хочет трудиться, приносить пользу. Но, вынужден лежать...

– Тебе что-нибудь надо?

– Нет, ничего. Только мне хочется сделать что-нибудь для вас такое, чтобы помнили обо мне, отблагодарить вас за ваше милосердие, улыбку, доброту, нежный голос, материнское обращение с больными. Я ведь не первый раз лежу в вашей больнице и вижу вас, может быть этот раз последний. Страшно чувствовать себя совершенно обессиленным и беспомощным.

– Успокойся, я сейчас тебе дам лекарство, от которого уйдет боль, ты будешь хорошо спать, а утром проснешься с хорошим настроением.

Тамара вышла из палаты, позвала дежурившую с ней санитарочку Настю, положила ей в руку деньги и сказала:

– Сходи, купи бутылочку хорошего вина.

– У нас сегодня праздник?

Тамара закрыла дверь в палату, налила две маленькие мензурки вина и подала Саше.

– За твое выздоровление. А теперь спой мне песню мою любимую «Малиновый звон».

Саша лежал минуты три, набирался сил, а потом запел. Голос был слабый, слегка дрожащий, но он постепенно набирал силу, его услышали в коридоре, слегка приоткрыли дверь. Больные потихоньку вышли из палат в коридор.

Саша не слышал, что приоткрылась дверь палаты, он уже не видел Тамары.

Сквозь полудрему и сон
Слышу малиновый звон....

Перед глазами плыл его полынный край, где прошло детство, промелькнули лучшие годы жизни, родная река, где он с ребятами ловил рыбу, купался, где он встретил свою первую любовь, свиданья до зари... Родной до боли край, там он лелеял мечту о светлой жизни, вера и надежда грели его душу. Как хочется обнять все цветущие деревья, уйти в далекий луг, утонувший в аромате весны!

Малиновый звон над берегами Дона... Он полнил его сердце необъятной радостью, поднимался вместе с голубым предрассветным туманом, плыл, звал, трогал за душу своей необъятной красотой...

...скажи моей милой земле, что я в нее с детства влюблен

В вечерних сумерках берега Дона кажутся сказочными.

Трепет души, сопричастность с прекрасным, что возвышает на земле, благодать и необъяснимая нежность. За кормой волны вторят доносившейся с берега песне. Русские задушевные песни... Сколько их знал он, как он любил их слушать и петь!

Окончен рейс, ноги ступают на землю теплую, родную, на берегу ждут близкие любимые, родные детские лица, жена, ее теплые нежные руки обвивают шею.

Он не заметил, как скатилась по щеке слеза.

Этот малиновый звон
От материнских окон

Родной отчий дом, мама — это мой, до нежной щемящей боли родной человек. В ситцевом фартучке идет по тропинке, заросшей ковром спорыша, слезы радости катятся из глаз...

– Сыночек, радость моя...

Сильные загорелые руки обнимают хрупкую, постаревшую мать, вытирают теплые слезы материнского лица, только благодаря ей я выдержал все удары судьбы.

– Не плачь, я приехал...
От той далекой звезды,
Да от минувшей беды...

С братом, лежа на свежей копне из душистого сена, они искали звезды и вспоминали их названия, кто больше назовет, у кого будет больше в жизни счастья. Скатилась звезда, кто-то умер, а вон маленькая прояснилась — то кто-то родился.

Гармошка, рассыпные частушки, соловей в зарослях, степь бескрайняя, русская, родная.

Тамара тихонько вышла из палаты. Слезы бежали по ее лицу, по лицам слушающих в коридоре больных, все знали, что это была его прощальная песня.

На следующем дежурстве Тамара тихо плакала. Саши уже не было. Где бы, когда бы, она не услышала эту песню, она оставляла свои дела, слушала и вспоминала.

...Это в родимой глуши
Что-то коснулось души...
Малиновый звон на заре...

Жираковский Евгений

(возвращение к оглавлению)

***

Пятьдесят - еще не вечер...
Это только пятьдесят.
Годы давят мне на плечи,
Но глаза огнем горят.

Слава Богу, жизнь прекрасна
И, пожалуй, удалась...
И душа моя напрасно
Впасть в уныние собралась...

Телу хочется веселья,
Сердцу праздника давай!
И я хочу, чтоб в час похмелья
Был закуской каравай:

Свежий, только что из печки,
Чтоб хрустела корки твердь...
А потом - купанье в речке:
Пусть меня боится... смерть!

Я хочу, чтоб повторялось
Это... лет так двадцать пять...
Чтобы жажда жизни
Старость
Поворачивала вспять!

Пятьдесят… Еще не вечер!

***

Я в Сибири рожден в час заката,
Мне известен сибирский мороз...
Мною выбранный путь-долг солдата-
За собою меня вдаль увез...

Я увидел леса Уссурийска:
Кротким взглядом зрил Дальний Восток.
И казахскую степь не без риска
Пообъездил вдоль и поперек...

По просторам великой Отчизны
Поносил ветер жизни меня,
И за песни мои... без укоризны
На Дону мне дарили коня ...

А за прожитых мною полвека
Я познал кое-что о себе -
Не дает мне душа человека
Подчиняться безвольно Судьбе...

Не спешу через тернии к звездам,
Провожая друзей на погост...
Мне близки боли в сердце и слезы-
Смысл жизни довольно непрост...

А сегодня меня манит Море-
Берег Новой России зовет...
И я верю как в праведном споре:
Моя песня и здесь не умрет!

***

Заклинаю тебя: каждый вздох, каждый взгляд
И объятия твои заклинаю.
От любви неземной в небе звезды горят!
Как молитву в душе повторяю:

Припев:
Свое сердце навек я тебе отдаю-
Я хочу быть с тобой всегда рядом...
Подари мне любовь и улыбку свою
И согрей меня любящим взглядом...

В череде будних дней не хватает тебя,
Мне до боли тебя не хватает.
Мое сердце грустит, тайно плачет любя-
От тех слез лед неверия тает...

Припев:

Верю в то, что однажды услышишь меня,
И мы станем друг другу Судьбою...
И, тепло наших чувств через годы храня,
Мы споем эту песню с тобою...

Припев:

НОЧНОЙ ГЕЛЕНДЖИК

Беложемчужным ожерельем горит в ночи морской залив.
Здесь жизни ритм бессонно – праздный, загадочно нетороплив ...
В покрове лунном что-то шепчет за день уставшая волна,
Душа моя к красотам этим любовью трепетной полна.

.

Переливается на волнах, как радуга, колье огней...
Но не от них, а сердцем друга мне город этот стал родней.
И я пою ночное регги всполохам ярким маяка,
И сожалею, что не смог я болеть мечтою моряка...

В бокале гроздья винограда, вдохнувши свежий воздух гор,
Мне дарят часть своей прохлады через рубиновый Кагор.
Морскою песней город дышит: на нет нисходит жар дневной.
И счастлив тот, кто меня слышит, кому не хочется домой...

Я рад тому, что вижу сказку и с другом пью в счастливый час:
За нежность гор и моря ласку, за мир, что так сближает нас...

За что я горд и в чем я счастлив?.. А ты меня, мой друг, спроси...
За то я горд и в том мой праздник, что Геленджик есть часть Руси!

. ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ . ▪ .

ПЕСНЯ О ГЕЛЕНДЖИКЕ

1

Из-за гор поднимается солнце
На Земле день погасший зажечь...
Заглянуть между шторок в оконце
И коснуться слегка спящих плеч...

Припев:
Геленджик- берег Черного моря,
Где сбываются наши мечты...
Здесь в пучине морской тонет горе,
Здесь счастливым всегда будешь ты!

Я спешу сюда снова и снова-
В край иной ты меня не зови...
Геленджик есть волшебное слово,
Геленджик- город нашей любви!

2

На залитые солнцем долины
С гор спускается ливень шальной:
Чтоб омыть тебя, край наш родимый,
И создать людям рай неземной!

Припев:

3

И по лунной дорожке, как в сказке,
Мчится парус таинственных грез...
Не забыть моря Черного краски
И листву новорусских берез!

Припев:

.

Александру Лагошину, другу и единомышленнику

Я спешу на свидание с морем,
Нарушая запреты дорог...
Чтобы в нем утопить свое горе

И чтоб выполнить данный зарок:

Я поклялся любить его разным -
И в гром бури, и в ласковый штиль...
И, моим подчиняясь соблазнам,
К морю мчит меня автомобиль.

Я спешу в гости к новому другу,
Выполняя мной данный обет.
И удачу прошу быть подругой,
Чтоб меня сохранила от бед...

Я молюсь, чтоб все было нормально,-
Встречей с морем и другом живу...
Чтоб, казавшийся мне виртуальным,
Райский мир видел я наяву!

Чтобы вылечить душу и тело,
С другом выпить по чарке вина -
Я готов бросить важное дело...
Чтоб испить чашу счастья до дна!

Посвящение А. Лагошину...

Приехали мы, братцы, на море отдохнуть...
Но Геленджик веселый нам не дает заснуть.
А звучные цикады, создавши дивный хор,
Теперь мне помогают вести сей разговор...

На улице Туристской, у «Голубой волны»
Есть автокемпинг «Нива»: Лагошин и сыны
Здесь делают «капусту», открывши бизнес свой...
Здесь дни летят, как пули... Не хочется домой!

До моря двести метров, до солнца - один шаг...
Какой там Гена Ветров... Лагошин - вот кто МАГ!
Вам праздник «нарисует», покажет чудеса-
Что в смехе содрогнутся любые небеса!

До нашего приезда в лесу пел соловей.
Но вот звучит команда: «А ну-ка, брат, налей!»
Теперь наш друг певучий куда-то «сквозонул»...
А, может быть, от зависти он в море утонул...

Прими в подарок, Саша, наш дорогой Ильич,
В фундамент дружбы нашей «творческий кирпич»...
Стихи и песни наши пусть радуют тебя,
О расставании с нами немножечко скорбя...

Когда домой приеду, во снах увижу я
Фестиваль - компанию: Лагошин и друзья...
И в автокемпинг «Нива - Лагошин и сыны»
Пусть соловей вернется... Но только до весны!

Нам новый год откроет новые миры...
И будущего лета не будет без жары.
Под парусом надежды мы снова приплывем
И много новых песен мы еще споем!

КАВКАЗ

Не хватит целой жизни, чтобы познать Кавказ-
Воочию увидеть миллион прекрас...
Дольмены, водопады, ущелья, ледники,
Водой целебной бьющие из камня родники...

Хотел бы я стать птицей, чтоб воспарить над всем...
Я от красот Кавказа: не скрою - глух и нем...
Здесь от всего нисходит такая благодать,
Что невольно хочется за жизнь здесь все отдать...

Здесь горные вершины, как чудо из чудес,
Где ледники сравнимы с подпорками небес...
Здесь сказка жизни полнится многоголосьем рек,
Здесь попросту не может быть несчастлив человек!

Спросил я горца гордого: «Зачем тебе кинжал?»
-Чтоб словом необдуманным никто не обижал!-
Свободой насладившись, здесь чтят законы гор,
Мужчинами родившись, здесь не простят позор!

А беды и несчастья не топят здесь в вине...
И я хочу признаться, что это любо мне.
Вином кавказским выльется здесь горная лоза
Лишь для того, чтоб капала счастливая слеза...

Мне лабиринты горные покоя не дают,
Когда здесь в час веселья танцуют и поют.
Манящей ночью светится горянки карий глаз...
И как поручик Лермонтов влюбился я в Кавказ!

ОДА ВИНУ

Я слышал мудрые слова, когда я был кадет:
-Вино на радость нам дано, а дураку во вред...
Их нам сказала педагог, учившая мечтать.
И мы все были заодно - в мечтах своих летать...

Мы разлетелись, как птенцы, встав крепче на крыло:
Где в волосах был черноцвет - теперь белым-бело...
За тех, кого уж с нами нет, кем уже стал наш круг,-
Мы поднимаем свой бокал. За тех, кто нам есть друг!

Коль в голове рассудка нет, то чья в беде вина?
Того, в ком сгас сознанья свет... но только не вина.
И мудрецы в своих трудах, ссылаясь на вино,
Твердят - в умеренных устах полезное оно!

А жизнь на месте не стоит... И вот уже я - дед...
Хочу, чтоб внук мой тоже стал потомственный кадет.
Однажды под бокал вина я дам ему совет:
-Вино на радость нам дано, а дураку во вред...

ОТЦУ...

Я помню вас, отцовские глаза,
Такие строгие, но с добротой и лаской...
И те слова, что мне отец сказал,
Рожденные в нем жизнью, но не сказкой:

...Не будь болтлив, а коль сказал, то сделай,
Не мелочись, коль жизнь всего главней...
Мужчине стало быть в поступках смелым,
А стало пить с друзьями - так налей...

Не задирай перед другими носа,
Коль выпало работать - так трудись,
И говори по делу - без поноса,
Пока я жив - учись, учись, учись...

Я помню вас, отеческие руки,
Слегка вы покалечены станком...
Я с вами никогда не видел скуки
И не был избалованным сынком...

Когда мне люди говорят: «Спасибо»,
Когда мне папа шепчет: «Молодец...»,
Нет для меня моей судьбы красивей!
Я горд, что у меня такой отец!

Я помню все: и ваше с мамой пенье,
И плачущий в твоих руках баян,
Вся наша жизнь разбавлена весельем,
И я от счастья своего немного пьян...

Отец, твой юбилей - не просто дата,
Я на него смотрю, как на зарю...
Ты воспитал во мне и друга, и солдата-
И я тебя за все благодарю!

ДОН-РЕКА

Голубою лентою средь сопок и степей
Бежит река Дон-Батюшка – нет вод его светлей,
Старинными былинами овеян ее путь,
И времени течение нам вспять не повернуть...

Припев. Щедростью широкая,
Привольная, раздольная...
Течет издалека Дон-Батюшка река,
Течет издалека казачья Дон-река.

Как в песню соловьиную, я в край степной влюблен,
И что-то про судьбу свою мне шепчет старый клен...
Я, прислонившись к дереву, на берегу стою,
Любуясь красотой донской, от счастья я пою:

Припев.

С неумолимой силою летят мои года,
Но, как с подругой милою, с тобой мы на века.
Я грусть свою и радости с тобою разделю;
Река моя, судьба моя – как жизнь тебя люблю.

Припев.

ДОЖИТЬ ДО ПЕНСИИ...

У нас до пенсии дожить,
Что подвиг совершить...
Но жизнью стоит дорожить,
И иногда грешить...

Нас просто балует Судьба,
Дав в счастье нам билет,
Где счастье – вечная борьба,
И там покоя нет...

Наш труд, заботы о семье
Мужчин рождают в нас.
И годы отблеском колье
Добавят нам прекрас:

Нам юбилеи сединой
О жизни говорят...
И только ей, всегда одной
Мы дарим свой заряд!

В подлунном мире предстоит
Свой тленный путь пройти...
Пусть он опасности таит,
Но долг велит идти.

И мы идем за годом год,
Сквозь недуги преград...
Чем возраст пенсии для нас
Милее всех наград!

РОМАНТИКА

Чтоб видеть красоту полярной ночи,
Бессонницей страдать полярным днем, -
Романтика всегда, когда захочешь,
В душе клокочет факельным огнем.

Но не она порою нами движет,
Есть еще долг, нам посланный Судьбой.
И зов желаний по значимости ниже,
Чем дань терпению, ведущему в забой...

У каждого из нас своя работа,
Своя усталость и своя печаль...
Но если нас поддерживает кто-то,
Мечта стократно сокращает даль.

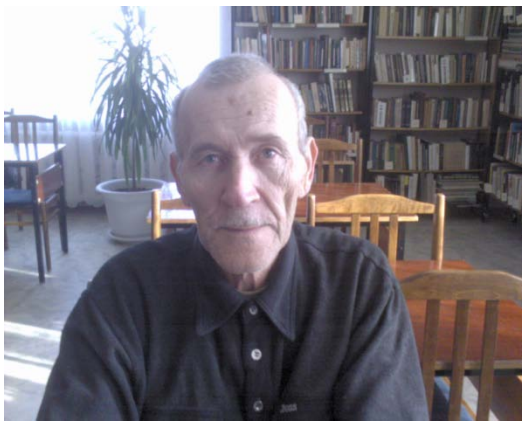
В минуту трудную в себя сильнее верьте,
Хоть слабость свой прорежет голосок...
Не завтра жизнь кончается, поверьте,
И не окончен жизни марш-бросок:

Она не раз поставит на колени,
Заставит на любом посту «пахать».
И только тот, кто не подвержен лени,
Сумеет свое счастье оседлать.

Романтика всегда, когда захочешь,
В душе клокочет факельным огнем...
Свой лучший день ты сам себе пророчишь!
Иначе, для чего тогда живем...

Закомолдин Геннадий Алексеевич

(возвращение к оглавлению)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТИХАХ

Есть разные формы стихосложения:
скажем — белый, но, может — свободный стих.
Главное здесь — вдохновение,
чтоб голос поэзии не затих!

Ведь можно сколько угодно
придумать много красивых рифм,
но, модно это или не модно,
бывает, отказываешься от них,

если их ложе прокрустово
в рамки свои загоняет,
не хочется слишком искусственно,
но ритм стиха подгоняет.

Быть может, к стиху рифмованному
потянет потом опять,
искать буду новые формы я.
Было бы что сказать!

МУЗЕ

Теперь понимаю,
что встречи наши
совсем не случайны,
хотя и случайны как будто.
Мы зачем - то нужны друг другу,
но хрупкость
любых отношений
тревожит, смущает,
но искупает
радость и роскошь общенья.
И пусть разлуки
всегда бесконечны,
главное — где-то есть ты,
и телефона звонки не напрасны.
Радость дружбы легка и беспечна,
а редкие встречи прекрасны.

***

авангард новизна искусства
будоражит мысли и чувства
идет развитие бесконечно
не каждый выдержит это нечто
захочется тихой гавани...
но опять и опять тянет в бурное плаванье
там открытия ждут весь век
к этому тянется человек
созидание, творчество, вдохновение
все это жизни движение

ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ РИТМЫ ВЕСНЫ

Конец апреля, и весна пока
из тесных комнат зовет на свободу;
праздник танца на сцене ДК
делает нам погоду.

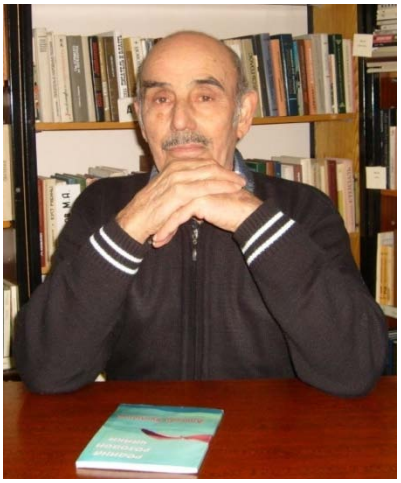
Талант хореографа создает
рисунок изысканной грации,
и отправляет питомцев в полет -
на сцену, на встречу овации!

И это красивый праздник для всех -
и юных танцоров, и их родителей;
искусства прекрасного славный успех -
радость для нас, восхищенных зрителей!

Кучменко
Алексей Афанасьевич

(возвращение к оглавлению)

РОСИНКИ

Все пройдет. Пройдет и это,
Ни прибавить, ни отнять.
Годы — шарики из ртути,
Раскатились, не собрать.
Без претензии на память,
Мой автограф на снегу.
Я ведь братцы, не ученый,
Только чувствовать могу.

***

Забыты ямбы и хореи
И белый слог — пробел, строка.
Писать и мыслить по шаблону
Не поднимается рука.
Кому-то тема не по нраву,
Другим, стилистика не та,
А я все также твердо верю
В начало с чистого листа.
С надеждой жить и верить в чудо,
Поэтом можно и не быть,
Оправдывать всегда труднее,

но человечней, чем судить.

. . . . . .

***

Вся жизнь в раздрай,
в моральном плане.
Наверное, за чей-то
грех.
Судьба мне
щедро подарила,
с плеча чужого оберег.

***

Дождалась росинка Солнца,
Заискрилась. Ожила.
Целый мир в себя вобрала,
Испарилась... Умерла.

***

Отшумело, отзвенело,
Оторало «Горько!»,
Отозвалось звонким эхом
На чужих задворках.
Отшумело, отзвенело
«Горько!», «Сладко!»,
да не впрок.
Улетел и не вернулся
Непутевый голубок.
Одиночество, да ночи
Длинные-предлинные.
На стекле мороз рисует
Перья страусиные.
Ни привета, ни ответа,
Только снежные холмы.
В небо лисьими хвостами
Поднимаются дымы.
Затерялось где-то счастье,
То ли было, то ли нет.
По нетронутым сугробам

Уводящий волчий след.
«Затеряюсь в чаще леса,
Заблужусь ему на зло.

Обручальное колечко
Брошу лешему в дупло».
Замела метель тропинки,
Ни намека на ответ
Был ли автор очевидцем?
Может — да, а может — нет.

***

В багровые полотнища заката
Уходим мы, заканчивая век.
Единственный невольник этой жизни -
Никто другой, обычный человек.
В подшивке лет я выбираю даты
От самой утренней зари.
Весну последнюю из синего апреля
Мне принесут на крыльях журавли.

***

За моим окошком
Облетает сад.
В желтом вальсе листья -
Бабочки кружат.

***

Все мы в этом мире
Вечности нетленной
Легкие пушинки -
Атомы вселенной.

***

Мохнатый иней на дубке,
Лист бронзовый на ветке.
Журавль в небе — мой девиз,
А не синица в клетке.

***

До первых проб пера

Так хочется вернуться...
Талантам надо помогать,
А бездари пробьются.

***

Мы так устроены -
покуда сердце бьется,
И с нами мир наш вечный
и живой,
С мечтою юности душа
не расстается
И совершает с нею
путь земной.

***

Облетел мой тополь,
Лес в картинной раме.
Желтые метели,
покружитесь с нами.

***

Пора бы нам унять гордыню,
Мы люди, только и всего.
За гранью наших восприятий
Нам не известно ничего.

СМЕЯТЬСЯ ИЛИ ПЛАКАТЬ (ЧАСТУШКИ)

Третьего не будет
Пряник, или кнут.
Доброе разлижут,
Злое расплюют.

***

Зареву частушку утром
Трезвый. Не по пьянке.
Так ее и в Вербном слышут
И в Пятиизбянке.

***

Чтоб награбленное разом,
Не накрылось медным тазом,
Наши гордые орлы
Укрепляют доллары.

***

Стали жить, как господа,
«Пепси» вместо кваса.
Без коровы молоко,
Колбаса без мяса.

***

Недавно гробили свое
Вот эти же ребята.
Сейчас долдонят о другом...
Наелись суррогата.

***

Бессмертно слово «ностальгия».
О прошлом принято скорбеть.
У нас политика такая,
Создать, потом преодолеть.

***

Царь и Бог, и прокурор,
Тот, кто платит «бабки».
Не дудишь в его дуду,
Получай по шапке!

. . . . . .

***

Опять кого-то мочат,
Экраны кровоточат.
Страна у нас такая,
Бандитско-воровская.

***

С донских степей, к стенам Кремля,
Скакали три богатыря.
В Москве Илья промолвил с грустью:
«А здесь уже не пахнет Русью».

***

Там, в верхах, на слово «цены»
Не иначе как табу.
Но зато про «рост доходов»
Днем и ночью «бу, бу, бу».

***

Про инфляцию в России
Не сказать, не описать.
У министров — 7 процентов,
У народа — 35.

***

Что больше волнует,
О том и судачим...
А цены растут,
Как дворцы на «кошачьем».

***

«Поднять сельское хозяйство»
Слышим в каждом случае.
А на деле поднимают
Цены на горючее.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ

«Ай-я-яй, убили пса, -
Изошла слезами... -
отстреляли б алкашей -
Ходят табунами».

***

Супер-важные проблемы
Нам Малахов разрешил -
Вся Россия точно знает,
Кто, когда и с кем
грешил.

***

Не завидуйте богатым,
У них нет досуга.
Они часто тоже плачут
И «мочат» друг друга.

***

Реформы радовать
должны,
А заставляют морщиться.
Идем на свет в конце
тоннеля.
Когда он все же кончится?

ГОЛУБЫЕ ЗВЕЗДЫ

Вновь Новый год, сияющий и шумный,
В нем — старт и финиш на одно лицо.
Разбита на условные секунды,
Частичка вечности, замкнутая в кольцо.
Желаю тебе, Родина-Россия,

Не ведать потрясений и невзгод.
Глядит в окно сияющая елка,
И, как всегда, еще кого-то ждет.
Мороз-проказник нам напоминает, -
все мы сегодня в молодой поре...

Рассыпав по сугробам изумруды,
Рисует детям сказки на стекле.
Пусть Новый год вселяет радость в души,
В такие дни не принято грустить.
Оставьте в прошлом мелкие обиды
И постарайтесь все, поняв, простить.
Разлил по залу терпкий запах хвои,
Волнующий зеленый островок.
Впускают окна голубые звезды
В наш деревянный домик-теремок.

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ

Мы, красные листья заката.
Нас радует если в ответ,
От скромной поэзии нашей,
Останется в памяти след.

Душой мы в потерянном детстве,
А годы не в горку, с горы.
Мы, красные листья заката
С характером юной поры.

Мы, красные листья заката,
По-прежнему в кровном родстве.
Все меньше и меньше багрянца,
В осенней, опавшей листве.

Останется в памяти робость,
Кому-то несказанных слов.
Мы, красные листья заката.
Во власти осенних ветров.

С разрывами, с воем сирены,
Мы видим тревожные сны.
Мы, красные листья планеты,

Окрашены цветом войны.

***

Мы безумней, но мудрее,
Нам бы только реки вброд!
Хлещут молнии кнутами,
Потемневший небосвод.
Наша память — дар чудесный.
Жизнь — бурная река.
То прижимы, то пороги
Так весь путь издалека.
Раскатают волны бревна,
Мы по новой вяжем плот.
Нас еще зовет куда-то,
Уходящий горизонт.
Мы безумней, но мудрее,
В положении таком
Нам до смерти неуютно,
Жить под чьим-то колпаком.

ДОМИК У МОРЯ

Из поломанных бревен,
Собирая плавник
Строит домик у моря,
Убеленный старик.
Шепчет он, как молитву,
Уходя на покой:
«Там в бушующем море,
Был не я, а другой».
Домик, вышедший с моря,
Видит вещие сны -
Обнаженные скалы,
Плот на гребне волны.
Вдоль уреза прибоя,
Оставляя плавник
Катят вечные волны...
Ну, а как же старик?

Там, у шумного моря,
Вспоминать будет он
Берег розовой чайки,
Как виденье, как сон.

Ломакина Елена

(возвращение к оглавлению)

А ОН - ЧУДАК

А он, чудак, говорит с деревьями,
Ему – чудаку там спокойно и радостно.
Он только к природе – с открытым доверием,
Тропинкой идет с ощущением празднества.
А все другие – люди серьезные.
Ну где им понять такие чудачества?
Деревья – они безмолвно-бесслезные,
А кто же оценит такие качества?
Глядят ему вслед казачки с завалинки,
Нет-нет, да к виску пальцем потянутся.
А он своих чувств золотые миндалинки
Деревьям несет, пусть в листве останутся.
Обнимет его лес зелеными лапами,
Закроет от взглядов чужих, ограниченных.
И он, чудак, понимает главное,
Природы силу, ее величие.
Здесь места нет лжи и предательству,
Здесь можно честно, не пряча истину.
И не бояться душекопательства
И не пытаться добыть амнистию.
И свет падет на него доверием,
И ветер боль от обиды выдует…

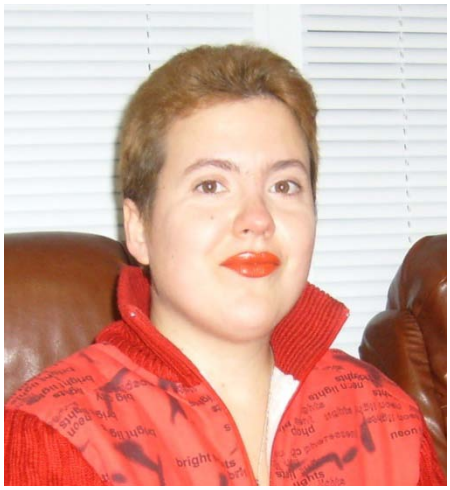
А он, чудак, говорит с деревьями.
И я ему, чудаку, завидую.

УРАГАННЫЙ МОТИВ

Ветер поднял листву,
Вздыбил корни травы.
Блеском молнии рвут
Синь кнутом грозовым.
Посредине огня,
Где не видно ни зги,
Рвут на части меня
И друзья и враги.
Тот, кто раньше со мной
Пил хмельное вино,
Снеговой пеленой
Занавесил окно.
Те, кто верность храня,
Дружбы дар принимал,
Поменяли меня
На приют между скал.
Тот, кто мне говорил,
Что за мной – хоть в огонь,
Нынче пляшет кадриль
Под чужую гармонь.
Мне бы тоже бежать,
Огибая пургу.
Только совесть предать
Не могу, не могу!
Что мне боль от огня –
Дальше пусть пепелит.
За предавших меня
Сердце больше болит.
Пусть рассудит вас Бог,
Опустивших свой меч.
Кто со мною не смог
Урагану – навстреч!

Мотина Ангелина

(возвращение к оглавлению)

БОЖЕСТВЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Может быть, из хаоса, из бездны
Немоты и темной суеты
Мне блеснет однажды луч небесный,
Проявляющий твои черты.

Свет твоей земной полуулыбки
Сквозь тьму тем страданий прояснит
Мир творенья слабый, тонкий, зыбкий -
Тот, что в каждом умер или спит.

Жизнь одержит хрупкую победу
Над очеловеченным зверьем,
Даже если в завтрашнюю среду
Или воскресенье мы умрем...

Раз жива Поэзия, то каждый
Причастится от ее огня:
Может быть, мне кажется, однажды
Бог ей всех коснется, как меня.

КОТОРЫЕ ТЯНУТ НА ДНО

Есть люди, которые тянут на дно:
Гони их взашей,
Дави их, как вшей,
Трави, как мышей, -
Не дай возвращаться назад,
Хоть — друг или брат!..

Иного, увы, не дано
Для тех, кто тянул нас на дно.

АЗИАТ

Ломкие кости шакала
Сброшены в рыжий белок.
Скользкий оскал аксакала -
Сакли усатый силок.

Спешная зависть Саула,
Трещина зуба с виском,
Ханская спесь саксаула
Наполовину с песком.

В спеси сухой и дородной,
В тесных морщинках ночей
Пес затаился безродный,
Уличный голод ничей,

Бабочка грязной болезни,
Крови дурной локоток,
Стукнутый в мраморной бездне
Костью шакальской чуток...

ЧЕ

Отчего я — не Че Гевара:
Я — зачем — не мужчина?
Мы с тобою — не пара.
Ты — навозный жучина.

Я — жемчужина моря
Жизни на самом дне;
От безбрежного горя
С тобою наедине.

Думают, что мне плохо,
Шлюхи. Я в вечернее платье
Спрятала оплеухи
Им и тебе — распятье.

Самая страшная из них и кривая
Скалит мелкие зубы,
Саваном зимы укрывая
Матки моей раструбы.

Черви гноищного тартара,
Отчего я — не Че Гевара?!.
Черт лишь знает до мелочей,
Отчего я — не Че.

МОЯ БОРЬБА

Любимый мой, Господь с тобою!
Цветенье зрелости твое
Я каждый день готовлю к бою
С тобой вдвоем.

Точу стальные когти битвой
Вдвоем с тобой,
Но побеждается молитвой
Великий бой.

Так будь же ты благословенна,
Моя борьба,
Всегда нежна и откровенна,
Когда груба

И скрыта от чужого взгляда,
Я принимаю каждый день
В ней зрелое цветенье яда,
Участья тень!..

ЗВЕЗДА

Звезда, упавшая на землю,
Простершая по ней лучи,
Принять все то, что не приемлю,
Спокойным сердцем научи.

Ты, мясом к почве прирастая,
Всепроницая сложность душ, -
Почти до святости простая
Для психопатов и кликуш;

Но дуракам за дурачинку,
Хоть — душ ловцы и продавцы,
И небо кажется с овчинку
Пропавшей у Христа овцы...

У самых знатных богомазов
Не отыскать тебе Христа,
Но видеть небе без алмазов
Мешает снова Красота.

ПОСЛЕ ЗАТМЕНИЯ

Жизнь предъявляет требованья строже.
На Солнце пятна черные прошли.
Мы, отыскав все, что на нас похоже,
Себя при этом так и не нашли.

Недобрых глаз следящих преизбыток
Не даст ошибки малой допустить.
Трудней всего — стереть следы от пыток,
Друг другу причиненных, и простить.

Палкин
Борис Михайлович

(возвращение к оглавлению)

НЕБО

Небо безбрежное,
Небо глубокое,
Небо бескрайнее,
Небо далекое.
Сколько я думал,
Сколько мечтал,
Сколько мне виделось,
Сколько читал.
Но до сих пор
Не могу я понять,
Как же все это
Можно объять.
Это безбрежное,
Это глубокое,
Это бескрайнее,
Это далекое НЕБО.

***

Когда я думаю о вечности Вселенной,
О бесконечности бескрайнего пути,
Мне кажется, что мы молекулы Вселенной
В своей Галактике из Млечного пути.
И вот сейчас, преодолев волненье,
Гляжу на небо и хочу понять,
Откуда в нем такое притяженье,
Такая сила и такая власть.

ВЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Темная ночь, звезды над нами
Ярко мерцают в безбрежной дали.
Тихо стою я, земля под ногами,
А между нами вечность пути.
Жизнь как искра, вспыхнув, погасла.
Жизнь перед вечностью слишком мала.
Жить надо так, чтоб искра не погасла,
Чтоб загорелась на небе звезда.
Вечную жизнь обещают нам боги.
Мы перед ними в страшном долгу.
От нас они ждут смиренья без воли,
Чтоб подарить нам вечность в раю.
Нет, не хочу я вечного рая,
Нет, не хочу я смиренья в пути.
Я лишь хочу в небе без края
Звездочки той, что зажжется в ночи.

ДОН-РЕКА

Много мы проехали городов,
Много повидали мы хуторов,
Но красивей не было городка,
Что стоит в излучине Дон-река.
Построен был поселок в старину,
Петр Царь назвал его Калач-на-Дону.

Дон-река привольная, глубока,
Щедрая раздольная Дон - река.
Мы купались, плавали в Дон-реке,
Новый дом построили невдалеке.
Будем любоваться мы Дон-рекой,
Жить пока останемся в Калаче.

Вот и успокоились, мы пока.
Здесь нас покорила Дон-река.
К нам приедет дочка, издалека.
Будет у нас весело, а пока
Собираем удочки и крючки,

И идем к излучине Дон-реки.

СЛОВО

И вот я изгажен
Был в один миг.
Душа изнывает, а сердце болит.
Мне хочется верить,
Что это лишь сон.
Я утром проснусь
И окажется он
Лишь горькою вспышкой
В сознанье моем.
Все я позабуду,
Мы снова вдвоем.

Но нет, не проходит
Сердечная боль.
В душу насыпали
Горькую соль.
Все вдруг предстало
В черном цвете.
Жить расхотелось
На этом свете.
Многие годы
Мог жить и любить,
Смысл стал понятен:
Слово может убить.

по

Погорелова Тамара Прокопьевна

(возвращение к оглавлению)

ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Сегодня вечер радости, все веселы с утра,
Окончены экзамены не далее вчера,
Все беды школьной участи сегодня позади,
А что там дальше сбудется, тогда и поглядим.
Счастливы родители, прекрасная пора,
А было все мучительно ведь только лишь вчера,
Сдавали Лена, Сашенька, Наташа и Андрей.
Экзамены, экзамены... Таблетки мне скорей...
А нынче столько хохота, что здесь случилось вдруг?
С заботами, с работою, не переведешь дух.
Все на одном дыхании, все на последний день,
Осталась от родителей одна большая тень.
Счастливы родители, прекрасная пора,
А было все мучительно ведь только лишь вчера,
Сдавали Оля, Валечка, Володя, Алексей.
Экзамены, экзамены... Микстуру мне скорей...
И впереди экзамены вновь предоставит жизнь,
Так будь, дружок, готовым ты и крепким, не сломись,

Дерзай науки трудные, работай и учись,
А кто послужит Родине, там тоже не ленись.

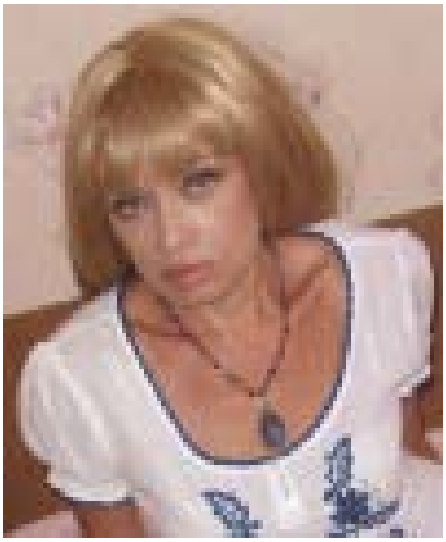
Счастливы родители, прекрасная пора,
А было все мучительно ведь только лишь вчера,
Сдавали Катя, Анечка, Валера и Сергей.
Экзамены, экзамены... Уколы мне скорей...
Еще сегодня скажем вам последний наш наказ,
Запомните учителей, что выучили вас,
Ведь столько сил, энергии вам было отдано,
Что быть неблагодарными по истине смешно.
Счастливы родители, прекрасная пора,
А было все мучительно ведь только лишь вчера,
Все сдали Витя, Катенька, Анжела и Андрей,
Раздался облегченный вздох родных учителей.
Девчата все чудесные, мальчишек не узнать,
Так разрешите песней нам сегодня вам сказать,
Желаем быть вам добрыми, оставить где-то лень,
Живите долго, счастливо, запомните свой день.
Счастливы родители, прекрасная пора,
Что было так мучительно — все в прошлом, все вчера,
Целуются родители, веселые с утра,
Окончены экзамены... - Жениться мне пора...

пон

Пономарева Галина Николаевна

(возвращение к оглавлению)

***

Мы все дальше с тобой друг от друга,
Мы почти у беды на краю.
На осеннем перроне Разлука
Провожает Надежду мою.

Одинокие кружатся листья,
Как билеты любви в никуда.
Вот сейчас подойдет поезд быстрый
И растает потом без следа…

В ожиданье останется Память
На перроне осеннем одна…
И дороже сокровищ вдруг станет
Той любви невозвратной цена…

РУСЬ МОЯ БЫЛИННАЯ

Стая журавлиная
Над жнивьем полей.
Русь моя былинная
С золотом церквей.

Будто к сердцу ластится
Журавлиный клин.
Русь в осеннем платьице
Средь костра рябин.

Как тебе к лицу идет
Осени парча.
Ярко синий небосвод
Как вуаль с плеча.

Светом нимба над тобой
Солнце в вышине.
Русь, земною и святой
Кажешься ты мне.

И признаньем, и мольбой
С давних тех времен
Проплывает над тобой
Колокольный звон.

***

И опять октябрь на белом свете,
Балует прощальным нас теплом.
И играет сам маэстро ветер,
Вальсы листопада за окном.

Школьный двор в цветущих хризантемах,
К празднику цветут они не зря.
Жаль не существует в школе темы,
«Мой учитель и судьба моя».

Пусть не для зачета и опроса,
И не для оценки четвертной.
Сколько слов и нежных и хороших,
Смог бы написать из нас любой.

Как они не спят порой ночами,
Возвращаясь в мыслях к нам не раз.
Как на выпускном глядят в печали,
Отпуская в жизнь большую нас.

Подари октябрь им солнце лета,
Золото на плечи им пролей.
В мире б не было добра и света,
Если б не было учителей.

***

Вот уж вишни облетели у дороги,
И весна уже торопится уйти.
Ты прости меня за прошлые тревоги,
И на волю мое сердце отпусти.

Отпусти, раз не сложилось наше счастье,
И прожить один сумеешь ты вдали.
Не дари свою мне жалость, как участье,
Ее осенью оплачут журавли.

Ты не думай, верить я не перестала,
Что за осенью опять весна придет.
Просто я от одиночества устала,
Вишней цвет опав, кружится у ворот.

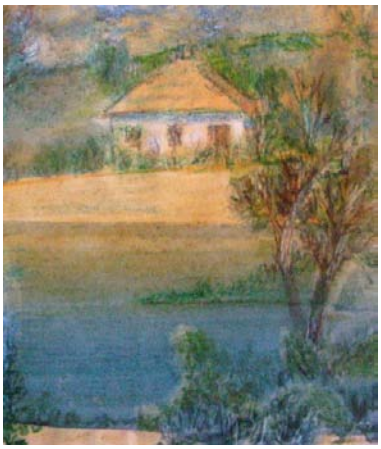
Может быть, и он кому-нибудь приснится
Этот цвет, что нас с ума сводил весной.
И когда в осеннем небе вскрикнут птицы,
Я поверю, что ты встретишься со мной…

***

А сердце болит и не важно,
Был другом ты мне, иль врагом.
Сгорел хрупкий замок бумажный,
А новый не выстроен дом.

И сад увядает до срока,
И вянут цветы на лугу,
И прошлое наше далеко,
А я все забыть не могу.

Все кажется скрипнет калитка,
Шаги твои дрогнут в тиши,
И сердце, как чуткая скрипка
Заплачет на струнах души….

***

Домой казаче возвратился.
Был путь и труден и далек,
И он устало опустился
В раздумье на родной порог.
Тоска на сердце прикипела,
Не дождались отец и мать.
А старый сад в цвету весь белый,
Прошедших лет не сосчитать.

Крыльцо скрипучее осело,
И покосился старый дом
Ну, что, казак, тебе за дело,
Живы остались, не умрем.
Солнце поднимется над домом,
В родном оконце будет свет,
И церковь колокольным звоном
С души развеет горя след.

И выйдет в степь казак на зорьке,
Он ей принадлежит теперь,
И аромат полыни горькой
Закружит голову как хмель.
Казак раскинет руки. Любо!
Земля моя, мне здесь прожить,
Лишь за тебя одну мне будет,
Не жалко голову сложить

Домой казаче возвратился…

***

Разделим радость поровну,
Печаль возьму сама.
На все четыре стороны
Окрест легла зима.

Не видно света белого,
Метет с утра метель,
Пришла б к тебе я первою —
Но где же ты теперь?

В далекое и прошлое
Затеряны следы.
И крылья твои сброшены,
Закованы во льды.

И только память светлая
В душе живет весной,
Где птицею заветною
Летает сокол мой…

Сауткина Александра Николаевна

(возвращение к оглавлению)

КАК ДЕТИ РЕЧКУ ОБИДЕЛИ

Жила-была речка
С голубой водицей,
Доброе сердечко -
Всех звала напиться.
Приглашала ласково
Посидеть под ивами,
Увлекала сказками
О земле красивыми.
Жил в речной водице
Зеленый лягушонок,
Он любил возиться
У бережка спросонок.
А в укромной впадинке,
На теплом ее донышке,
Прижилась улитка,
Грея бок на солнышке.
Раз пришли ребята,
В речке искупались.
Как шустрые утята,
Плавали, плескались.
А потом один из них
В руки взял топор,
Веток нарубил сухих
И развел костер.
Дети завтраки достали,
Развернув пакеты,
Всюду мусор разбросали,
Позабыв при этом.
О том, что надо охранять
Природы красоту
И за собою оставлять
Порядок, чистоту.

А эти детки, ай-ай-ай,
Лягушонка били,
А в ямке, наступив на край,
Улитку раздавили.
Обиделась речка,
Заросла осокой,
Теперь в том местечке
Пусто, одиноко.

БАЛЛАДА О ДУБЕ

За тихою речкой на взгорке песчаном,
Открытый разбойным ветрам,
Стоит одиноко, как странник печальный,
Развесистый дуб-великан.
Высокий, могучий, с широкою кроной-
Я с детства таким его помню.
И ветер-бродяга гуляет свободно
В листве его темно-зеленой.
Дуб с давней поры — молчаливый свидетель
Всей жизни людей непростой.
Здесь игры любили устраивать дети,
А старым дарил он покой.
Здесь кто-то прощался с любимым тревожно
В багряном сиянье зари,
А кто-то впервые внимал осторожным
И чистым признаньям в любви.
В последние годы наш хутор пустеет,
И редко кто дуб навестит.
А он, величавый, стоит, не стареет
И прежнюю силу хранит.
Я к дубу приду и ему поклонюсь,
Вернувшись из дальних дорог,
К его теплой коре всем телом прижмусь,
Чтоб силой своей мне помог.

Скороходов Владимир Иванович

(возвращение к оглавлению)

Итогом человеческой жизни является осознанный переход в иное состояние, когда у материального заканчивается жизненный ресурс времени, а духовная энергия, высвобождаясь, переходит в иное состояние. И от нас зависит будет - ли дух, энергия наша развитой, осознающей дальнейший путь или останется недоразвитой, слепой, ожидающей своей участи.

Для осознания своего духовного составляющего, которое зарождаясь вместе с телом в утробе матери, начинает свой путь совершенства, достигая порой у одних такой огромной силы по своей направленности и чистоте энергии духа, что кажутся порой не реальными, а у других эта энергия духа уходит на обслуживание только своего материального. Нам надо учиться совершенству тела и духа, чтобы наша душа, энергия духа смогла закончить свой жизненный цикл развития, для открытия духовного сознания, которое рождаясь в материальном сможет осознать себя при переходе в иное состояние, но уже в качественно другом состоянии, в духовном, энергетика которого сможет быть самостоятельной и поможет слиться с высоко организованной и чистой энергией Создателя, его учеников: Иисуса, Будды, Рамы, Кришны, Орфея, Магомеда, Моисея. Это целая плеяда просветленных людей, живших и оставивших нам свои знания для совершенства наших душ и завершения своего бытия, человеческой жизни.

Это необходимо не только нашим душам, энергии духа. Это необходимо Миру, Космосу, Вселенным. Это цепь энергетических субстанций, производящих энергообмен своими переходами из одного состояния в иное, как по цепи логической вверх, так и по ней-же вниз путем реинкарнаций. Все подчинено этому закону, ибо этот закон — порядок. В нем нет хаоса.

КУНСТКАМЕРА

Передвигаясь по крышам домов, я увидел у себя под ногами стеклянный вход. Открыв его и спустившись по ступенькам узкой лестницы, спуск по ней не оставил в моем сознании четких и даже приблизительных воспоминаний. Все происходило на эмоциональном уровне чувств, без обстоятельств, оставивших хоть какое-то представление об этом спуске. Оказавшись в одной из комнат помещений, я начал чувствовать, осознавая гнетущую мою душу началом последовавших событий.

События начали развиваться с эмоций и ощущения того, что комнаты помещения находятся так глубоко, что навалившаяся тяжесть и напряжение сковали меня. Первое от чего я застыл на месте не в силах сдвинуться, это женщина, стоявшая ко мне спиной у стеклянного сосуда: дородная, рембрандтовских форм, с ребенком похожим на нее. По пояс они были обнажены, с формами человеческого тела, а низ заканчивался огромными змеевидными хвостами. Такое зрелище я увидел во всех комнатах. Людские тела перемещались на конечностях копытных, пресмыкающихся, ракообразных. Сочетание этих форм поразило мое воображение. Перемещаясь по комнатам, рассматривая огромные стеклянные сосуды, стоящие вдоль стен на больших стеллажах, рассматривая внимательно, предаваясь этому процессу с чувством созерцания. Они рассматривали, именно рассматривали, такие же виды и формы заспиртованной то ли законсервированной материи, с чувством, исходившим от них превосходства над тем, что они рассматривали. А я стоял в оцепенении, не зная, что делать, как себя вести. И это чувство, но не страх и паника, которые я испытал двадцать лет назад сковавшие мой разум, мое сознание.

Купаясь с ребятами, я первый захотел проплыть очень длинную трубу, закопанную под водой, соединяющую два небольших озерка. Плывя в кромешной тьме с вытянутой рукой вперед, без маски, с открытыми глазами, невидившими в темноте, кроме маленькой светлой точки, обозначившейся впереди. Постепенно увеличивающийся наплыв гальки начал прижимать меня к верхней части трубы.

Страх, паника, боязнь замкнутых пространств овладели моими чувствами, ужас сковал мое сознание разума, я перестал мыслить здраво и разумно вспомнил слова мамы: «Сколько гибло ребят от таких же необдуманных поступков. Тонули, задыхаясь без воздуха в трубах заваренных внутри решеткой».

Сознанием своего разума, погасив страх, преодолев панику, я проплыл трубу. И потом, глядя на друзей, которые веселясь проплывали ее, мне стоило огромных усилий воли заставить себя проплыть еще раз, понимая, что преодолею весь этот кошмар, если смогу повторить свое путешествие. Почти сразу же я проплыл эту трубу и еще много раз, заставляя себя преодолевать свой страх. Но ужасы и кошмары некоторое время мучили меня. Просыпаясь в холодном поту и осознавая, что это сон. Эти чувства страха, паники, осознанные разумом живого в реальности человека, они ничто с чувством эмоций, фантасмагории и вместе с тем осознающим себя в нереальности попавшим «туда» человеком, мысль которого неслась вихрем,

хаотично не задерживаясь в сознании. Сильнейшее эмоциональное напряжение чувств и бессилия от непонимания, как попал, не осознавая себя «сюда», что делать, как найти выход.

Там далеко в подсознании зарождалась мысль, подсказывая мне, мое место нахождения. Сознание не хотело воспринимать эти догадки. По описаниям легенд, мифов и всей культуры накопленной человечеством «это место» совсем не походило на то с которым мое сознание «его» ассоциировало. Здесь все было по-другому чисто, светло, сухо в современном стиле. Через мгновение, как только я начал осознавать реальность, из-за боковой двери, а у других комнат двери отсутствовали, и дверь эта, сливалась со стеной не бросаясь в глаза, была невидимой. Появился абсолютно нормальный человек в белом халате, держа в руках то ли книгу, то ли тетрадь. ОН, как будто бы был оторван от своих обязанностей моим появлением. Удивление скользнуло по его лицу, он спросил меня: «что я здесь делаю, как попал сюда и, что мне здесь делать нечего». Дал «кого-то», что не оставило в моем сознании четкого восприятия, какой либо материи и исчез за дверью из-за которой появился. «Кто-то», кто вывел меня в промелькнувшем мгновении, кого я не могу ассоциировать, а тем более классифицировать по видам живой материи заложенной в моей памяти. Только на уровне чувств и эмоций сильнейшего потрясения воспринималось моим сознанием от увиденного. «Оно» я так называю фантом, который вывел меня «оттуда» и ввел в помещение похожее на ангар, то ли закрытый ипподром для выездки лошадей. Там вдалеке через небольшое поле, засыпанное песком, я увидел выход, залитый лучами солнца. Я сделал шаг вперед навстречу, не думая о том расстоянии, которое надо было преодолеть это поле, засыпанное песком. Сделав шаг, я оказался на улице, залитой лучами светившего так ярко солнца и небо, синева которого притягивала взор своей безграничностью.

Проснувшись, я ощутил всю тяжесть этого сна. Я начинал понимать, осознавая, где находился, что привело меня к стеклянному входу. Зачем вошел и что вынес от посещения сего места.

Моей душе, формирующемуся духовному сознанию дали возможность ощутить, увидеть и осознать ту глубину бездны, в которую можно очень легко попасть, а выбраться из лабиринта событий приведших к падению в бездну, не зная выхода без посторонней, потусторонней помощи невозможно. Только любовь, ведущая к гармонии духа и тела, вера в духовное перевоплощение в дальнейшем, уберегут от падения в бездну, бездну бездуховности, безнравственности.

ВО СНЕ ИЛИ НА ЯВУ

1. В конце ноября, начале декабря 1992 года я попробовал выйти своей энергетической субстанцией, духом за пределы обитания своего тела и достичь в состоянии нирваны Абсолюта, Создателя. Мое первое впечатление, эйфория полета, его необычность. В нем не было физического ощущения моего тела, я летал не от ног, как будто стоя на чем-либо или убегая от преследователей взмахом рук, взлетая над ними. Или просто летал, ощущая свое тело. ЭТО было совсем иное эмоциональное восприятие полета. Я четко воспринимал энергию, управляемую разумом родившегося моего сознания духа. И только фантом памяти напоминал о моем происхождении. Эмпирически я осознал, что нахожусь на Атлантическом побережье Америки.

Одним движением мысли я оказался на такой высоте, с которой океан, облака и солнце, опустившиеся к океану оказались внизу. Очертания их приняли округлые формы, свет потускнел. Еще одно движение мысли и вокруг стало все серо-темным. А земля приняла форму шара. Потом мысль, скорость с изменяющимся спектром света, без цветов и оттенков дошедшей до мглы и голос, который я уже слышал неоднократно, при поступлении в университет, рождении первого сына, остановивший и заставивший меня вернуться.

Мгновенье осознания в пространстве непривычного восприятию мглы и голоса подчиняющего его воле, без сознательного выполнения наставления. Через мгновенье, которое промелькнуло быстрее мысли, я вновь оказался над океаном со всеми цветами радуги, бирюзовой воды, белыми облаками, голубого неба. Заходящий огненный шар солнца уже коснулся кромки воды, и его золотые блики горели огнем, разливаясь по воде, меняя бирюзовый на червонный цвет вспыхнувшего пламени. Солнце опускалось в океан, бездну, как - будто пытаясь затушить пожар, вспыхнувший по его вине. Ночь наступила быстро.

Открыв глаза, я увидел, осознавая себя в квартире на собственной кровати

2. За событиями прошедших одиннадцати лет, я редко занимался медитацией, упражнениями дисциплинирующими плоть, укрепляющими дух, сознание формирующегося, как духовное я. Вспоминая эйфорию полета одиннадцатилетней давности, осознанного разумом своего духа, раскрашенного эмоционально красками сознания, составляющего гармонию в сочетании.

Я захотел испытать еще раз это чувство эйфории, гармонии мысли, духа, полета. Выйти за пределы своего «космического корабля», употребляя терминологию космонавтов или «снять одежду», говоря обыденным языком, не составило труда. Было чувство полета, но совсем иное, неосознанного разумом своего духа, неуправляемого. Не было чувства восторга, эйфории, только ощущение мельчайшей частицы, сгустка энергии затерянного и оказавшегося в глубоком космосе. Мгла, мерцание холодного света звезд и очень далеко, далеко извивающаяся белая полоска.

Снова слышу голос, но не заставляющий вернуться, а повторяющий мое имя несколько раз. Мгла постепенно начинает рассеиваться, перемещаюсь в сторону извивающейся белой полосы, свет становится ярче, пока совсем не начинает ощущаться физически.

Потом тяжесть от пробуждения, меня как будто пытаются затолкать обратно в мешок. Сознание постепенно проникает во все клетки моего тела. Я с трудом открываю глаза и тяжесть его, моего тела возвращает меня к реальности жизни.

***

Мы временно приходим
В мир грядущий.
Кто повторяет путь,
А кто приходит вновь...

***

Себя увидеть в зеркале небес
И отразившись опознать земного.

***

Иллюзии мгновений проходящие
Осмысли путь идущий в ней.
Ты открываешь суть истины творящей,
Судьбы дарованную в жизни сей.

***

За смертью грань рожденья
За гранью жизни смерть.
Ты в осмысленьи вечном,
Судьбы своей и жизни человек.

***

Рождение Души
Сознаньем в бренной плоти
Суть истины своей,
В творении судьбы.
Соединив в себе,
Жизнь в множестве вопросов
И лишь ответ один,
Вся истина в тебе!

***

Нет бренности,
Нет тлена.
Есть мудрости покой,
В сознании рожденном
Гармонией твоем.
Ты в вечность окунулся
Познав той грани суть.
Перед тобой открыли,
Те знания и путь.

***

Огнем горим,
А снегом таем.
Дождем омыв
Мы с ветром улетаем

***

Тобой дарованный
источник мне открыл,
В нём черпаю и наполняю Душу
Духовной мудростью ТВОЕЙ.

***

Я есть часть целого
И целого есть часть во мне,
А вместе Духом
Соединены мы в целом.

***

Я, отказавшись от эмоций счастья…
Мир познаю,
Творением судьбы.

***

Я полон сил и чист душою,
Тобой наполнен мой сосуд.
Его несу, и подарить готов я.
Тому кто, отразившись, в нем себя найдёт.

***

Растянуть мгновение во времени.
Осознать в понятии Твоем.
Насладиться знанием дарованным,
В том мгновении сознанием своем.

***

Огонь зажжённый постепенно угасая.
В золу и прах, всё постепенно превращая.
Является предвестником сего…..
Впоследствии зажжён он снова будет
И всё намеченное повторится вновь.

***

Сосуд,
Мы наполняем чашу,
Сознаньем разума
В поступках бытия.
Творим грядущее
И формируем Душу,
В истоках мудрости её храня.

Соколова Ольга Михайловна

(возвращение к оглавлению)

***

Калач мой славный, милый город!
Навек сроднились мы с тобой.
Ты самый близкий и красивый,
Родной и скромный город мой.

Припев:
Калач, Калач - поет нам ветер,
Калач, Калач - волны шумят,
Калач, Калач над Доном чайки
С утра до вечера кричат.

Песок, полынь и синий чобор,
В посадках сосны и грибы,
Рябиной красной и калиной
Все полисадники полны.

Припев:

Сирень, акация в цвету -
Я этим запахом дышу.
Не нужен город мне другой,
Ты самый близкий и родной.

Припев:

Здесь плавно тихий Дон течет,
На волнах чаек он качает.
Кругом камыш, а в нем
Сомы - зелены и щуки отдыхают.

***

Тебе сегодня 300 лет
Мой славный городок,
С тобою рядом Дон течет
Считай — не одинок!

Здесь люди добрые живут -
Тебя боготворят.
И уважают все тебя
За скромный твой наряд.

Зимою в белой ты фате,
Весной зеленые поля.
И все родное здесь кругом,
И небо и земля.

А лето жаркое у нас,
Ночами лишь прохлада.
В посадках ягоды, грибы.
Все то, что человеку надо.

А золотую осень не сравнить ни с чем,
В багряном золоте она.
И только ей одной
Наряд багряно-золотой
На все века природа-мать дала.

Верь Калач, ты красив город мой!
Как грибы вырастают дома, магазины.
А в клумбах повсюду цветы,
В магазинах стеклянны витрины.

А погода у нас:
Жарко, солнце печет,
Ветерок свежий с Дона ласкает,
А кругом, то сосна, то полынь, то песок
Никуда от себя не пускает.

Так расти, же расти,
Славный город Калач,
Расти вширь и в высоту,
Не променяем мы тебя,
Не на Париж, на Лондон,
И даже на Москву!

КТО МИЛЕЕ

Бледноликая луна
Смотрит одиноко.
До Земли ей не достать
Очень уж высоко.

Любит Землю и ночами
Все по небу бродит,
Но тропиночку к Земле
Так и не находит.

Солнце тоже Землю любит,
Свято охраняет.
И всегда свой первый луч
На Землю посылает.

Греет Землю и светит
Дивное светило,
Чтоб цвели на ней цветы.
Было бы красиво.

Так и ходят друг за другом,
Не найдут покоя.
Не встречаются они
Ни летом ни зимою.

Ляжет солнце спать в кровать -
Месяц выплывает.
Кто из них милее ей
Лишь Земля и знает.

ОЙ, ПОДРУЖКИ Я ВЛЮБИЛАСЬ
(песенка)

Ой, подружки я влюбилась
В гармониста за рекой.
Только есть в нем явный минус -
непонятливый такой.

Припев:
Понимаешь? Понимаю!
Хоть сирень и зацвела,
Но неважные дела, но неважные дела,
Хоть сирень и зацвела.

На мосту идет гулянье.
Я танцую и пою.
На меня он ноль вниманья
И на выходку мою.

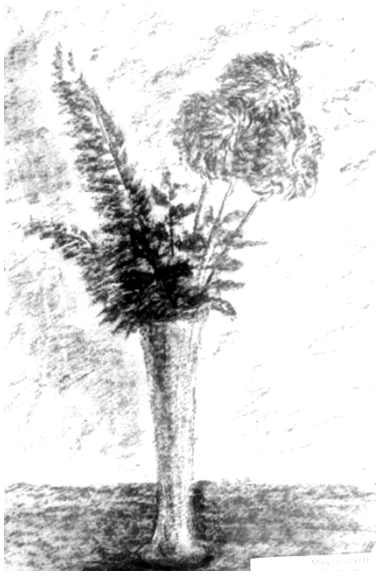
Припев:
Понимаешь? Понимаю!
Это было над рекой,
Это было над рекой.
Потеряла я покой,
Это было над рекой.

Я горю, в лице меняюсь,
А в душе моей прибой.
Только слышу - извините,
Говорит: «Пора домой».

Припев:
Понимаешь? Понимаю!
Под мостом река журчит.
Почему же он молчит?
Почему же он молчит?
Под мостом река журчит.

Ой, подружки я влюбилась
И любви своей боюсь.
Неужели в милом минус
Не изменится на плюс.

Припев:
Понимаешь? Понимаю!
У него понятья нет,
Что уж мне 17 лет,
мне уже 17 лет.
У него понятья нет.

Торопова
Мария Николаевна

(возвращение к оглавлению)

***

Любовь
Ты мне даришь цветы -
незабудки, степной первоцвет.
Ты мне даришь любовь
словно свет восходящей звезды.
Ты мне даришь зарю,
что над речкою тихо плывет.
Ты мне даришь мечту,
как иллюзию сбывшихся снов.
Твои руки и губы,
как магия, как волшебство.
Унесут меня вдаль,
как надежное птицы крыло.
Ты мне даришь слова-
от которых трепещет душа.
От заботы и ласк
вновь кружится моя голова...

И в бокалы хрустальны
налито игриво вино.
Пригубив его нежно
почувствую лета тепло.
Вкус грустинки и меда,
запах розы да скошенных трав.
Не смогу я забыть,
тот волшебный, пьянящий нектар.
И с истомою сердце в груди
станет часто стучать.
И стихи о любви
будут тихо, красиво звучать.
Их простые слова
до утра будешь мне повторять.
Что такое любовь-
это счастья алмазная нить,
это магия чувств
и души безграничный порыв.

***

Просто не надо печалиться,
Просто не надо грустить
Жизнь не проходит нечаянно
Жизнь — это прошлого быль.
Что-то сегодня отчаянно
Боль в моем сердце кипит...
Как я люблю зори вешнии!
Вишен пурпурный налив.
Бархатный, шелковый вечер
Плечи укроет мои...
И упиваясь блаженством
Стану смотреть на закат
И воздух Родины чистый,
Буду безмолвно вдыхать.
Вечером им не надышишься,
В нем запах меда и трав
Терпкой горчинкою стелится,
Горькой полыни размах.
Сладкие травы волнуются,
Тихо с луной говорят,
Как им ночами мечтается

Запах свой небу отдать...
Я же совсем зачарована,
Негой заполнена грудь.
И не могу надышаться я,
И не могу я уснуть...

***

Я порой не замечала, сколько в мире красоты.
Проходила часто мимо, растоптав свои мечты.
Но однажды, оглянувшись, я увидела вдали,
Клен игриво и красиво тихо листьями шуршит.
Рядом стройная березка в черных крапинках грустит.
Так все просто и спокойно,
Не поверишь не видав.
Где ж берет он столько силы,
Ветвью милую прижав?!
И березка встрепенулась и от счастья замерла...
Как она порой мечтала, чтобы клен ее обнял.
В жизни все правдоподобно, у деревьев свой роман...
Загрустив одни, порою плачут, сок даруя нам.
Слезы чистые березки я испить потороплюсь.
И наверно с нею вместе - обязательно влюблюсь.

МОТЫЛЕК

Много можно писать о любви,
О несбывшихся снах наяву.
Я прошу: «Ты меня позови
Среди белой зимы иль весны».

Не печалься, пройдет кутерьма,
Жизнь она как полет мотылька.
Очень тихо над миром кружит
И парит, и манит, и болит...

Мы, как лебеди в озере счастья!
Переждем, переждем все ненастья.
Над водою расправятся крылья
И в полет устремимся красиво.

Лебедь будет кружить над волной
И лебедушку звать в край родной.
Милый — руки твои два крыла,
Пусть обнимут меня неспеша.

А на озере тихая гладь,
В душах наших любовь-благодать.
Над водою проснется закат,
Разукрасит все в алый наряд.

Защемит, затоскует душа
Мотыльком и несбывшимся сном.
Птица счастья — она же любовь,
Вспыхнув искрой волнуется кровь...

СЧАСТЬЕ

Все пройдет, ничего не изменишь.
Жизнь упрямый, изогнутый факт.
Почему я больше не болею?
Той любовью, что грела сердца!..

Все проходит, не верю я в сказку,
Лукоморье не для меня.
И ошибки безумной той страсти
Безутешно терзают меня.

Никогда ничего не пойму я,
Оборвалась злотистая нить.
И ажуром не свяжется больше
На земле мною пройденный путь.

Сарафаны, наряды не красят,
Не играет румянцем лицо.
Жизнь не дарит мне капельку счастья,
А душа так желает тепла…

ОСЕНЬ

Серебром виски покрыла осень,
Отзвенели трели соловья.
Сколько к жизни у меня вопросов?
Где искать ответ, не знаю я.
Все, что было – верба у дороги
Шелестит играючи листвой.
Рядом с нею с болью и тревогой,
Вспоминаю о былом своем.
Сколько раз теряла, находила
Шелковую жизненную нить.
И беда над головой кружила
И надежда в лучшее, - поверь!
Что теперь? Цветет пурпуром осень.
На мгновенье светлые деньки.
Паутинки разбросают в проседь
Лета бабьего несбывшиеся сны…

Не печалься, вспоминая юность,
Наважденье страсти и любви.
Как прекрасны были поцелуи
Нежные, прекрасные твои.
Пролетела, отыгралась юность,
Не грусти подруга, не грусти!
Бабье лето, что к нам вновь вернулась
Назад не воротит, не проси…
Каждой - жизнь отмерена немного,
Счастья, горя, радости, любви!
Шелест вербы где-то у дороги
Ты меня любимый мой прости.
Не печалься, вспомнив все былое,
Осень серебром блестит в висках.
Сколько к жизни у меня вопросов
Нет ответов у нее пока!

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Зарделся небосклон, алое зарево охватило половину бескрайнего голубого небушка, сказочная игра света от лучей восходящего светила – солнца. Рождение нового дня, как рождение новой жизни, как продолжение давно начавшейся.

Любую историю можно рассказать за один час, а написать о ней на нескольких страницах… Гремел в те давние годы колхоз наш славой, достижениями да победами. Трудились колхозники в полях да на фермах с ранней зореньки до поздней зорюшки. Так и шла их жизнь, весной пахали, боронили, сеяли зернышко. Летом ждали, когда нальются, наполнятся, созреют колосья – кормильцы:

Они весной их сеяли, молились небесам,
Просили бога вовремя на поле дождь послать.
Чтоб ярче в небе солнышко светило каждый день,
Чтобы колосья золотом быстрее налились.
Чтоб комбайнеры вовремя убрали урожай,
А на столе, чтоб круглый год был пышный каравай.

И наставал самый торжественный, самый счастливый момент – уборка урожая. И шли по полям комбайны будто «короли» по своему королевству, и переполняло сердце гордость за результат труда своего, всех колхозников, трудившихся, не зная усталости, в родимом полюшке.

Золотом лилось зернышко в подъезжающие машины, которые доставляли его на колхозные тока, на элеваторы. И пополнялись закрома Родины нашей первосортным «живым» урожаем. Несмотря на изнуряющую жару, на усталость от тяжелой крестьянской работы, счастливы были тогда колхозники, чувствуя себя хозяевами землицы, которая кормила их и которую они преданно любили.

Урожай собран – осень хозяйкой шествует по милым сердцу полям, лугам. Отдыхать пора матушке – землице. А вот колхозники и в осеннюю пору отдыха не знали, землицу обрабатывали – под пары пахали, под новые урожаи готовили, озимыми засевали.

Не один раз, любуясь результатом труда своего, брали они обработанную живую землицу в руки, и, чувствуя теплоту ее, благодарили за то, что дала она жизнь убранному урожаю. Долго они любовались паром, исходящим от земли, будто дышала она. И счастье переполняло сердца колхозников, видя эту святую чистоту и красоту, понять которую дано только настоящему крестьянину верой и сердцем служащему матушке – землице.

Белый пушистый снежок укрывал белоснежным покрывалом поля, чтобы отдыхали они под ним до новой весны. А колхозникам и зимой отдыхать некогда было в то время. Спешили они в колхозные мастерские, к своим тракторам, комбайнам, машинам. Ремонтировали их, готовили к заботам новой весны, к повторению извечного жизненного круга.

Размеренная деревенская жизнь текла своим чередом. Словно батюшка-Дон, то переполнялась через края, то отступала от берегов своих. Работа, дом, хозяйство, дети, казалось, когда же все успевали? А ведь успевали, все успевали и по хозяйству управлять, и детей растить, и гулять задорно, весело, так, чтобы по всей округе песни донские разливались.

Вот и весна совсем незаметно вновь повторяется. Тихая, легкая, нарядная, будто красна-девица в разноцветной шали тихо парит она над донскою землей. Вечереет, легкой дымкой опускается на реку прозрачный туман, плещутся, будто переговариваются между собой, волны. Чистый, свежий воздух доносит благоуханный запах отцветающих садов. Не надышишься им! Маленькие, ухоженные дворики, в которых тишина и покой, которые отрада для души. Аромат цветущей сирени, жасмина, ландыша и тюльпана сладкой истомой заполняет сердце.

Не хочется думать о проблемах окружающих нас сейчас. Хочется просто жить, трудиться, веря в то, что все равно наша могучая страна «воспрянет ото сна» - и вновь загремит слава ее по всему миру. Верим в то, что русского человека ничем не сломить, ни войной, ни разрухой, ни голодом – ибо все это нам уже доводилось пережить. И сейчас переживем и все - то будет у нас хорошо.

Подрастают внуки, в них нам жить вечно! И передастся им любовь наша к землице родной, к полюшку колосящемуся. Они продолжатели рода нашего.

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный.
И в праве будешь в свой последний час,
Торжествовать над смертью покоренной.

Турченков Николай Семенович

(возвращение к оглавлению)

ГИМН БИБЛИОТЕКЕ

Эти двери с любовью открыты,
Всяк, кто хочет узнать и познать,
Приходите, если что-то забыто,
Здесь помогут, подскажут, что взять.
Вундеркинд-дошколенок, студент,
Ветеран и войны и труда,
-Зал для чтения, абонемент,
Вас обслужат, поверьте всегда.
Любим мы наших юных читателей,
Дорожим вашей дружбой в ответ,
Приходите, ведите родителей,
И друзьям передайте привет...
Ныне праздник у нас — юбилей!
Семь десятков на службе у книг,
Заходите на праздник смелей,
Да запомнится вам этот миг!
Мы с друзьями — какое счастье!
Видеть вас в такой-то день,
Пусть уйдут в небытье ненастья,
Видит Бог, нам читать не лень...

С БОГОМ, СЛУЖИВЫЕ!

Служите Родине, Отчизне!
Как ваши прадеды и деды.
Что было им дороже жизни?
Любовь, Свобода, миг Победы.
Суворов, Платов, маршал Жуков,
Вот образцы для подражанья,
Храни вас Бог казачьих внуков
От войн, от бед и наказаний.
Мы будем ждать вас возмужавших,
Окрепших духом, сильных телом,
Священный долг стране отдавших,
Здоровых, сильных и умелых.

Тюрморезова Светлана Александровна

(возвращение к оглавлению)

НОЧЬ НА ДОНУ

Солнце село за холмом,
Все вокруг объято сном.
Тихо-тихо Дон течет -
Волны все наперечет.

А кругом такая тишь!
Вербы спят, уснул камыш.
Спит безлюдный лунный шлях,
Ветерок затих в ветвях.

В балках сыро и свежо.
Воздух густ, хоть режь ножом.
А на берегу — теплынь -
Дон прогрелся до глубин.

И куда не кинешь взор -
 Всеобъемлющий простор:
Гладь воды, дыханье волн.
Даль дорог и даль времен.

В СТАНИЦЕ ГОЛУБИНСКОЙ

Лето. Полдень. Открытая взору
Голубинская церковь. Простор.
Не спеша, поднимаемся в гору.
Лес на солнце горит, как костер.

Мимо церкви, погоста, крылечек
Крытых шифером низеньких хат,
Мы идем мимо стада овечек,
Мимо рыжих коров и телят.

Нас встречает донская станица
Меловыми отрогами гор.
Голубинка, ты, как голубица,
Будто вылетела на угор.

Называют тебя по старинке.
Кто название такое дал?
То ли голуби, то ли глубинка,
То ль в Дону голубая вода.

Мы, конечно, устали немного,
Но к реке привела, наконец,
Нас трава, что растет вдоль дороги,
Богородская травка — чабрец.

Вот и Дон. На речном мелководье
густо все заросло камышом.
И такое безлюдье в природе,
Хоть купайся почти нагишом.

Вот и прежнее наше местечко,
Нас встречает весь розовый клен.
Для кого-то обычная речка,
А для нас — славный батюшка Дон.

***

Ах, память, как же ты упряма!
Зимой мне вспомнилась весна:
Цветет черемуха, и мама
Соседке машет из окна.

Она, как будто не скучает -
То дом, то сад, то огород,
И всех встречает, привечает
У покосившихся ворот.

Мне кажется: все в жизни просто.
Живу, по весям колеся.
А мама стала ниже ростом,
А мама поседела вся.

Приеду, мама угощает
Не наглядится на меня.
Она как будто что-то знает,
Чего еще не знаю я.

Ах, память лета, как же ты упряма,
Как будто нет минувших лет.
Перед глазами — дом ... и мама
Глядит печально мне вослед.

Шарова
Людмила Николаевна

(возвращение к оглавлению)

ПЕЧКА

Воскресное утро. Мама хлопочет у печки. Печка выложена из красного кирпича. Обмазана печка глиной вперемешку с половой и песком, а побелёна печка мелом. Стоит она добротная, под старой абрикосиной – хозяйка двора. Строили печку всей семьёй. Отец с мамой выложили стены, положили чугунную плиту с тремя круглыми выемками: большой, средней и маленькой. Вывили трубу, проверили тягу, затопив печку влажным пучком сена. Отец довольно улыбается.

-Затопила баба печку, дым кудрявый повалил – и уже тихо – затопила баба печку и зажарила овечку.

-А як она еи зажарыла, прямо жыву, с шерстью и в пичку?- спрашиваю я - бедна та овэчка, я ны можу такэ пырыжить… слезы душат меня.

Все смеются, даже брат.

-Принимай мать, объект на половину готов.

Печка подсыхает, и мы с братом ждем, когда мама скажет:

-Сёгодня будым мазать пичку.

Настало и это время. Мы наносили глины, песка, половы столько сколько сказала мама. Глину и песок пересеяли, смешали, залили водой, сверху посыпали половой, глина с песком намокли, теперь наша с братом работа: мы начинаем месить глину. Брат в семейных трусах, я в самом коротком платье. Мы ходим по кругу друг за другом по раскисшей массе. Брат запевает свою любимую пеню. Лицо его серьёзное, взгляд устремлён вперед. Он поёт сначала тихо, потом входит в образ, поёт во весь голос:

Там вдали за рекой зажигались огни
В небе ясном заря загоралась.
Сотня юных бойцов
из будёновских войск
На разведку в поля поскакала…

-Ой, боже шь мий, чёшь вин так крычить – тихо улыбаясь, говорит мама.

Но брат не слышит её. А я, понимаю его. Песня патриотическая, серьёзная, требует большого чувства и, хотя мне самой хочется петь, я молчу, но не долго, и начинаю петь свою, любимую тихо, тихо:

Чё ж ты нэ прышов, як мисяц зийшов?
Як я тэбэ ждала
Чи коня ныма, чи стэшкы ны знав,
Маты нэ пуськала…?

По ходу, мама брызгает воду нам под ноги, подсыпает полову, а когда масса готова, мы ею наполняем ведра, отец забирает их, несёт к печке и они с мамой быстро обмазывают печку. Потом, я с нетерпением жду, когда печка высохнет и мама её побелит. Вот она уже стоит большая, белая, внизу проведен кант разжиженной жёлтой глиной, на плите стоит чугун с водой вечером, когда отец придёт с работы, затопим печку, дрова готовы! У печки поставили стол, покрыли клеенкой, клеёнка старая, новой покрыли стол в доме, но мне она нравится своими колокольчиками с ромашками. Рядом, широкая лавка, на которой должны всегда стоять два ведра артезианской воды к приходу мамы с работы. За водой ходили в строй-бригаду, это около километра от дома. Воду я носила на коромысле двумя ведрами. Пили только эту воду, готовили только с этой воды. Когда хватало смелости, просила воды у водовоза - деда Ризака. В одиннадцать часов утра он вёз воду в огромной бочке, мимо нашего дома на лошадях: старой Ночке и старом, в прошлом знаменитом, скакуне-Малыше. Воду дед возил людям, работающим на полях. Там, разливал её по маленьким бочонкам в разных концах поля. Первый рейс он делал около пяти утра и иногда, уже с утра у печки, на лавке, стояли полных два ведра прохладной, чистой воды, накрытые деревянными кружками. Утром воду дед предлагал сам всем женщинам, которых замечал в своих дворах проезжая по дороге.

-Хто рано встае, тому бог дае - шумел он. И женщины спешили к нему с вёдрами. Давал он воды только по два ведра.

Утром, обнаружив полные ведра, я набирала в ковш воды, вода была неописуемо вкусной, и пила, напившись, не напиваясь. Готовили на печке вечером, когда мама приходила с работы. Топили печку дровами. За дрова отвечал брат. Я только иногда помогала ему и то, когда он просил меня об этом. Он любил колоть, пилить, складывать дрова сам. Топить печку, тоже доверяли только брату. После того как я растапливая печку сожгла себе брови, ресницы, челку, меня и на дух не подпускали к печке. И это было на руку брату. У печки он гордо поднимал голову, в голосе прослеживались высокие нотки при разговоре, а иногда он вовсе не замечал, не разговаривал со мной, как бы я этого не желала. Он умело топил печку, чувствовал ритм огня, знал как, когда и какую положить чурку, когда кипит вода, варится картошка, или жарится мясо, готовиться поджарка. Но, меня всегда мучило одно, если он чувствует огонь, то почему он не чувствует, не понимает меня, почему так ведет себя со мной? Мне становилось стыдно за него, я не могла смотреть ему в глаза и всё время искала оправдание его поведению. Последним оправданием было – он

мужчина. На этом заканчивались мои страдания, и я переключалась на огонь в печке. Я любила смотреть на огонь особенно летними, южными, темными вечерами. Из палисадника доносится аромат ночной фиалки, совсем рядом стрекочет сверчок, другой его перебивает, где-то далеко кричит птица, пахнет только, что принесенным мамой парным молоком и огонь…

Заслонка убиралась за печку, я садилась на маленький стульчик и смотрела на огонь, не мигая, до боли в глазах. От огня в печке шло особое, ни чем несравнимое живое тепло, которое было только нашим, жило у нас. В каждом дворе горела печь, жил свой огонь, свое тепло, был свой неповторимый мир. Мысли об огне уводили меня далеко от земного бытия, отвлечь меня от огня могла только мама.

С утра печка топилась только по праздникам и выходным дням, когда мама не ходила на работу. Начинали топить её очень рано. Мы с братом ещё спали, а проснувшись, заставали едва светившиеся угли в печи. Если не пекли хлеб, мы пекли картошку, заворачивая её в угли, а ещё запекали яблоки. Сначала обмазывали их глиной, а потом бросали в печь. Иногда нанизывали на прутики маленькие кусочки сала, колечки лука, кружки помидор и если кружочки, кусочки оставались на прутиках поджаренные, румяные, целыми, а они часто падали вместе с прутиком на угли, то это была самая вкусная еда.

Когда в печке сидел хлеб, она казалась живой и даже волшебной. Мама окутывала её старыми фуфайками, чтобы подольше сохранить тепло, на заслонку с внутренней стороны вешала старое махровое мокрое полотенце, чтобы хлеб не подгорал. От заслонки чуть заметной струйкой шёл пар. Печка пыхтела, издавая тонкий аромат хлеба, по которому мама узнавала о его готовности. Нам не разрешалось и на метр подходить к печке, пока не вынут хлеб. Когда хлеб был готов, мама звала нас обоих, но приходила я одна. Она подавала мне полотенце для принятия хлеба.

Но, какая печь без пирогов? Первыми и стояли пирожки на большой, круглой сковородке, сладкие, с яблоками или вишней - «открытые». От них шел ванильный запах. Из под причудливо вырезанных из теста листиков, цветочков выглядывало содержимое пирожка. На сковородке пирожки сидели близко друг к другу и представлялись одним красивым цветком – китайской розой, которая цвела у нас в доме. Нарушить пирожковую гармонию могла только мама, цветами для нее были мы – дети. Для меня же взять пирожок, означало оторвать живой лепесток у цветка, а съесть и совсем беда. Куда проще «закрытые» пирожки с капустой, они стояли сразу за сладкими в сковородке поменьше, дальше мои любимые – сладкие, с фасолью и маком. Кроме меня и мамы их никто не ел. Пирожки мама вынимала сама, без помощников не нарушая круга до момента, когда они остынут. Мазала мама пирожки тонким слоем масла или тонким слоем густой сметаны, выкладывала их на пирожковую доску на лавке, укрывала промасленной калькой, сверху полотенцем.

-Та хай хоть очахнуть, - говорила она подбежавшему к ней, потирающему ладошки от нетерпения, брату. Через время, он получал пирожок и бежал, подпрыгивая на улицу и тут же возвращался за другим. Мама улыбалась и давала

новый пирог ему и другу.

Вынутые пирожки остывали, а печку снова закрывали до готовности хлебов. Выемка хлеба из печки была самым ответственным моментом.

-Господы, поможи! – крестясь, просила мама.

Уронить хлеб – такая мысль даже не допускалась. Хлеб никогда не роняли. Выпекалось в печке пять, шесть хлебов. Мама вынимала жаровню с хлебом, ставила ее на мокрую тряпку, легонько встряхивала и подавала мне вынутую буханку, я же с волнением ставила ее на стол и шла за новой. Выемка хлеба проходила на одном дыхании. В каждой вынутой буханке мне виделись образы родных людей и станичников. Маму, отца, брата, позже и сестру я видела всегда, меня видела мама.

-А ось и ты. Кудыж мы быс тэбэ - говорила она.

-Мама, мама та цэж дядя Саша в фуражки на бочок.

-О! Баба Мацыха с пичкы до нас сегодня прышла.

Мама улыбается.

-Точно баба Мацыха.

Вынутый хлеб, мама брызгала водой и укрывала белым, «хлебным» покрывалом.

Прошли годы. В каждом дворе течет артезианская вода, в домах проведен газ и хлеба пекут в духовках, а чаще покупают в магазине, и не видать во дворах добротных хозяек двора – печек. Ушли печки, а с ними ушел и особый дух домашнего очага, который согревал и согревает меня сегодня.

БЕРЕЗЫ

На пригорке недалеко от дома, росли березы. По одну сторону тропинки пять, по другую две. Молодые, стройные манили к себе и зимой и летом, и осенью и весной.
Весной, когда почки еще только собираются лопнуть, береза смачивает каждую почку соком, предохраняя ее от боли во время рождения листа, за несколько дней.
И однажды ранним утром ты понимаешь, что свершилось великое таинство, скрытое от глаз человеческих – рождение листьев.
Тонкий аромат, идущий от земли, от деревьев, весеннее солнечные лучи высокого неба, осенью небо кажется ниже, мягкий влажный ветерок, переговоры скворцов и многое что – то еще, отодвигает нас от светского мира, расширяя границы наших чувств, ощущений, восприятий и сознания.
И рождается РАДОСТЬ!

Липкие, пахучие, меньше копеечной монетки листики, кажется, переговариваются между собой, поздравляя друг друга с днем рождения. А через день, два вобрав в себя солнца, неба заблестят, заиграют, затрепещут они, начав новую жизнь.

Стою под березами и благодарю их за доверие, за то, что позволили быть так близко.
В летнюю пору, березы особенно откровенны. Откровение к ним с небес сходит музыкой, энергией стиха и цвета.
Не случайно перед рассветом, особенно над березами, виден прозрачно голубой шлейф.
Небо всегда для берез открыто, а они для неба.

Мы – люди, закрыты от неба крышами своих домов. Так и живем: земля крыша, крыша земля и к небу голову поднимаем, когда оно нас позовет, а если не позовет? А если не услышим зов?
В пору, когда природа греет не солнечным лучом, а цветом, березы очаровательно грациозны в своем золотом убранстве на фоне сочно - зеленой травы.
Ветерок только подует слегка, и заволновались, замерцали листочки на одной, потом на другой, на третьей берёзке. Думаю да это же он ветер, зачарованный берёзами их на первый осенний вальс приглашает, и запорхали березки под дуновением ветерка, и закружились в вальсе под музыку небес.
Да так, бывает, закружатся, забудутся, все листья в первом вальсе и сбросят. Но не жалеют об этом. Сначала немного смущаются своей наготы, но вспомнив о белом снеге, забывают о ней и с трепетом ждут его. Березы любят снег. Они его отражение. Снег купается в берёзах, а берёзы в снеге.
Однажды в один из осенних дней подходя к березам, я почувствовала глубокую грусть, исходящую от деревьев. На одной из берёз кора ствола жестоко ободрана, листья без времени засохли и закрутились, будто бы с них только что сняли бигуди. Я подошла к дереву - живи - попросила я его.
-Матушка земля, дай силы! Солнышко обогрей! Ветер вдохни дух жизни! – взмолилась я.
Дерево молчало. Молчало солнце. Молчала земля, а ветра, как и не было рядом. Я посмотрела на стоящие рядом берёзы, они вдруг макушками наклонились друг к другу, переглянулись и с грустью обронили:
- Нас скоро всех не станет.
Я поклонилась деревьям и с чувством вины, беспомощности стала спускаться с пригорка.

А вот и зимушка зима волшебница! Закружила, наворожила, снегу намела, к утру деревья в белые кружева одела и ждет, когда же люди проснутся и удивятся её чарам.
Иду мимо березок, подойти близко не решаюсь – замело.
Любуюсь красавицами. Стоят мои снегурочки, белоснежные сквозь кружева веточки скользит бирюзовая гладь и такая тишь, что боюсь её нарушить своим дыханием.
Вспомнила осеннюю встречу с берёзами, и грусть пролилась в сердце моём. Забыла совсем о сугробах, пробралась к каждой, погладила кору стволов,

наклонившиеся веточки и упала на снег под березами. Смотрю на макушки, а они встряхнули с себя снежок и стали уходить в небо. Соединились с ним и совсем растворились в светозарной лазури. Я на миг закрыла глаза, а когда открыла, березы стоят надомной и снег на ветках слепит мне глаза.

Конец марта. Снег растаял. Тёмные пятна на деревьях стали темнее стволы еще белее. Почки набухли, через недельку лопнут и появятся зеленые листочки. Затрепещет новая жизнь. Жду этого мгновения каждый день.
Стою как-то у открытого окна радуюсь весеннему духу, смотрю, сын бежит взволнованный увидел меня, не дожидаясь вопроса, почти прокричал:
- Мама! Мама! Там, на пригорке, нарезали, кому то земельный участок и спилили все березы!!!
Без слов, не одеваясь, я побежала к березам. В голове стучало:
-Может хоть одна…
Все березы огромной грудой лежали на земле. Почки были мокрыми от сока, листики так и не успели родиться.
Прошел не один год, берез нет, на нарезанном клочке едва видны колышки, тропинка заросла травой.
Я иногда прихожу на пригорок и вижу уходящие в небо березы.

ПОКАЯНИЕ

Катерина подошла к двери своей квартиры, только хотела нажать на кнопку звонка, как некая сила оттолкнула её от двери. Что это? Она не верила ни в темные, ни в светлые силы, ни в бога, ни в … Верила только в силы человека, но звонить не стала, а постучала в дверь, что делала очень редко.

Дверь открыл свекор, как всегда хмельной. Сегодня дозу спиртного принял, явно, больше обычной. Голубые глаза - буравчики впились в Катерину и пробуравили ее насквозь.

День у нее был один из нелегких – ревизии, проверки вышибли ее из колеи. Восстанавливала она свои энергетические силы, проходя три километра от магазина к дому. Более двадцати лет проработала Катерина заведующей самого крупного универмага города, называла его своим, да и по праву. Ей, молодой, красивой девушке, только что закончившей институт управления, выпала честь перерезать красную ленточку, первой открыть стеклянные двери нового трехэтажного здания. В коллективе Катерину любили за справедливый, твердый, сильный характер, внимание к людям, к их проблемам. Её деловитость, высокий профессионализм помогал ей выходить из самых сложных ситуаций. «Нет крепостей, которых бы не брала Катерина, нет проблем, которых не могла решить» - так говорили о ней коллеги.

- Ты опоздала сегодня ровно на сорок пять минут, - ехидно сказал свекор.

- Петр, Петр, - позвал он сына.

- Она вчера задержалась на десять минут, сегодня на сорок пять, а завтра совсем не прейдет. Прими меры и сегодня, сейчас же! Не то, я возьмусь за нее сам.

Все это длится девять лет. После смерти жены Натальи, Геннадий Фомич живет у сына, и за все время из уст Катерины не вышло ни одного грубого слова, ни разу не повысила тона в адрес этого жалкого, беспомощного человека, таким она его считала и всегда жалела. Катерина подошла к Петру, прошептала:

- Скажи ему, пусть угомонится и уйдет к себе, я очень устала.

Дома наступило затишье. Катерина допивала чай, тихо переговариваясь с мужем. Покой в доме разорвал крик не до конца угомонившегося старика:

- Ну, расскажи, где и с кем была? Ты от меня не уйдешь сегодня! Улыбочки тебя сегодня не спасут. Привыкла шуточки шутить со мной! Я тебя сегодня выверну, я достану медок твой! Я правду люблю! Да я за правду голову сложу..!

Он любил искать самые тонкие, самые больные струны человека и, если находил, с наслаждением хохоча, дергал их, если ему не удавалось, он злился, доводя себя до сердечного приступа. Ни друзей, ни приятелей у него не было. Он не отвечал на письма сестры, однополчан, которые приглашали его на праздничные встречи, присылая открытки и телеграммы. На мир он смотрел через им созданную призму негатива.

- Может, ты скажешь, сегодня, почему не родила мне внука? Лишила нас с Петром наследника, я должен знать правду! Молчишь! Ребенок был не наш, надо ж было от него избавиться! Вот он медок – то, вот где медок! А все опоздания с работы, обеды неизвестно где и с кем! Петя, сынок, пора этому дать объяснение и положить конец, - он кричал, то бледнея, то багровея, угрожающе махая руками.

- Вы… вы же знаете, знаете как всё было. Оставьте, оставьте меня.

И хотя она понимала, что слова его это бред хронического алкоголика, но они задели самый сильный инстинкт, инстинкт жизни, инстинкт продолжения рода человеческого.

- Достал!- почти взвизгнул Геннадий Фомич и залился истерическим хохотом.

- Я говорил, что ты у меня зазвенишь! - хохоча и кашляя, всё восторгался он.

Сегодня он коснулся самой звонкой струны. Катерина не могла иметь детей. На шестом месяце беременности они с Петром попали в автокатастрофу. После, операционный стол. О малыше не могло быть и речи. Долго не могла отойти от душевной катастрофы. Она слышала, как бьется в ней маленькая жизнь, плод огромной их с Петром любви, и в один миг все оборвалось. Прошло много лет. Отзвуки той душевной катастрофы давали о себе знать, делая её слабой. Иногда она уходила в себя, становилась молчаливой и задумчивой. Петр один, слышал её боль, знал, как помочь жене. Беда соединила их еще ближе, и они стали одним целым, оставаясь до настоящего дня.

Этот истерический хохот возвратил ее на больничную кровать. Снова увидела теплые карие глаза доктора, услышала слова, как приговор:

- Вы не сможете иметь детей, - закончил он затянувшуюся тогда беседу. Только эти слова и услышала. Вспомнила, как не хотела жить, как обвиняла себя в смерти родного, маленького существа.

Она вышла на балкон. С кухни доносился хохот, он смешивался с какими-то словами. Одно слово Катерина услышала ясно:

- Я обещал.

Ей показалось, что она зависла где-то между небом и землей. Никогда она не чувствовала себя такой одинокой и беспомощной. Она больше не могла видеть этого человека, слышать его, быть с ним рядом.

Катерина протянула руки к небу и взмолилась:

- Если ты есть, Бог! Пусть он покинет этот мир сейчас! И я всем скажу, что ты есть!

На балкон вышел Петр, прижав к себе жену, умолял, твердил:

- Катя, Катя, милая, прости, прости, прости его! Ты же мудрая женщина…

- Поздно – сказала Катерина, ощущая пустоту, заполняющую её и окружающий её мир.

- Иди к нему, он умер - холодно сказала она.

- Что с тобой, Катя? – с волнением спросил муж.

- Иди!

Петр зашел в комнату отца. Бездыханное тело отца лежало на полу.

Все время, пока гроб с покойником находился в доме, ни одна слезинка не выкатилась с ее глаз. Она чувствовала свою огромную вину, но пустота, которая вошла в нее в ту ночь и заполнила ее, не покидала ее, она же, и держала слезу.

С кладбища Катерина пришла разбитая, измученная виной.

Вся ее сущность требовала покаяния. Заходя в свою комнату, она попросила не беспокоить ее. Села в кресло. Встала. Сделала несколько шагов по комнате. Легла на кровать.

- Вот они муки ада,- вслух сказала она.

Услышав свой голос, еще больше утвердилась в сказанном. Зажгла свечу. Подошла к окну. На нее смотрели звезды. От морозного вечера они казались ярче и почти рядом. Катерина почувствовала их тепло. Вдруг внутренним зрением она увидела, как с неба к ней приближается крохотная звезда. Вот она, совсем рядом. Коснулась ее и вошла в нее. Из полуоткрытых уст Катерины потекли строки:

Источник покаяния,
Зажги во мне свечу,
Горячим воском
пусть стекут мои сомнения!
Дай полный ход моей слезе.
Пусть вытечет с груди,
омыв и мысль и сердце.

Плечи её вздрогнули, и она зарыдала, опускаясь на колени:

- Прости, меня, Господи! Прости!

Все ее тело приступообразно содрогалось, как бы выталкивая из себя что-то инородное. Она не сразу осознает глубокие перемены в себе. Принятие вторичности своего «я» и первичности «я» Божественного.

В дверь комнаты ворвалась племянница:

- Тетя Катя, тетя Катя, бабушка Таня умерла, твоя мама.

Катерина молча поднялась с колен.

***

Я приеду к тебе летом
Я приду к тебе зимой
Я укрою тебя пледом
С темно синей бахромой.

Я согрею твои руки
Прикоснусь: ладонь в ладонь
Растворятся мои муки…

Я придумал твои руки
Я придумал синий плед
Я придумал даже муки

Стынет чай
Стучит сосед.

***

Цветет герань
в оконной раме,
горит божественным огнём.
Цветет цветок-подарок мамы.
Есть только он, да тёмный холм.

***

Ты держал меня в ладонях
В них дышал своим теплом.
Согревались в доме оба.
Домом был ладонный дом.

***

В мой сад войдя,
Ты, узнавал в нем каждую травинку,
Губами, прикасаясь к каждой,
Снимая росы.
В моём саду не встретил ты меня,
В нем одиноким странником ты был.
Ты по аллеям шел мальчишкой босым.

Шавкунова Эмилия Леонидовна

(возвращение к оглавлению)

НЕ ОТЧАИВАЙСЯ

Не отчаивайся, пожилая женщина.
Не горюй, что молодость прошла.
Друга потеряла ты сердечного,
И пока другого не нашла.
Верь, любви все возрасты
покорны.
Верь, боль одиночества пройдет.
За полоской жизни самой
черной
Несомненно, белая придет.

ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Пролетело лето красное,
Словно всадник на коне.
Снова мгла и дни ненастные
Растревожат душу мне.
Ой, душа неугомонная,
Как расстаться с летом жаль.
Слушать ветра монотонного задушевную печаль.
А в мечтах все краски яркие, пляж и пенье соловья,
Нега волн и солнце жаркое,
Спелый колос на полях.
Красота ушла, рассеялась,
Скрылась в голубую даль,
А в душе моей освоилась
Грусть, тревога и печаль.

ВОСПОМИНАНИЕ

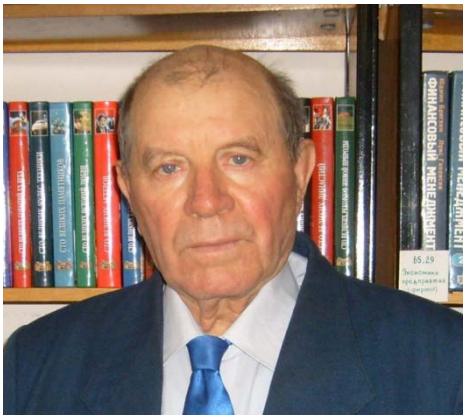
Каждый раз, в деревню возвращаясь,
Вижу эти милые места.
И, как в детстве ими восхищаясь,
Вновь о них твердят мои уста.
Вижу сердцу милые просторы,
Ширь полей, бескрайние луга,
Где плакучих ивушек узоры,
Окаймляют речки берега.
Снова вижу нежные цветочки
В узкой ленте полевой межи,
Васильков синеющие точки
В желтом море переспевшей ржи.
Жарким летом, в пору сенокоса,
Вновь вдыхаю сена аромат.
И волнений много мне приносит
Край, что прелестями так богат.
И, любуясь красотой природы,
Своих чувств не в силах удержать,
По тропинке, что к реке у брода,
Вновь хочу бежать, бежать, бежать...

НЕ ПОЗВОЛИМ СВОБОДУ ОТНЯТЬ!

Все военного времени дети
Испытали суровые дни.
Ничего не хотели на свете -
Только выжить мечтали они.
И страдали от лютого зверя
Города, деревеньки, сады...
Всем хотелось лишь в лучшее верить
И не знать этой страшной беды.
Супостатов проклятых прогнали,
И давно б уж пора всем понять:
«Мы всегда свою Русь защищали!
Не позволим свободу отнять!»

Щеблыкин Александр Сергеевич

(возвращение к оглавлению)

ПРОЗРЕНИЕ

Из рассказа моего друга детства

Я жизнь начинал человеком
Пускай и не с буквы большой,
Но жил по отцовским заветам.
И был семьянин неплохой.

Скажу. По любви я женился.
Жена, что Жар-птица сама,
Я с первого взгляда влюбился,
Меня ж полюбила она.

Год прожит, мы сына родили,
А следом и дочка нашлась.
Имущество, дом мы нажили,
Сберкнижка у нас завелась.

Затем машину купили,
В согласии жили с женой,
Трудиться мы оба любили
И были довольны судьбой.

Но кончилась дивная сказка,
Не думал, дружок, не гадал,
Не помню, как в цепкие лапы
К зеленому змию попал.

Пропил все, что мы наживали,
Случалось, жену обижал.
Детей, когда мать защищали,
Ругал, ненавидел, кричал.

Не враз, но пришло вдруг прозренье…
Я был в пустом доме один,
Ужасно борясь с нетерпеньем
За водкой сходить в магазин.

Жена подошла, попросила:
- Пойди в баньку, душу согрей.
Есть в женщине скрытая сила.
Всевышний лишь знает о ней.

Попарился, как обновился,
И трезвый вернулся домой.
На угол святой помолился,
В колени упал пред женой.

Она меня вновь попросила:
- Родной мой, ты водку не пей.
Я знаю, ведь есть в тебе сила,
Меня и детей пожалей.

Собравши в кулак свою волю,
Расстался я с пьяной братвой,
Ушел из безумной неволи,
Вернувшись к семье, в дом родной.

С тех пор прошли долгие годы,
Нажили, браток, все сполна.
Все в прошлом – и боль, и невзгоды.
А в память о том – седина.

ИЗ ЖИЗНИ

Посмотри, дружок, с вертолета.
На дачный поселок родной…
Увидишь картину из сказки,
Написанной лично тобой.
Кому ни скажи – не поверят,
Что был тут заросший пустырь,
А в царское время, когда-то,
Здесь был, говорят, монастырь.
Ты был молод, крепок здоровьем,
Целину лопатой поднял,
А после работы, уставший,
Вечерами вишни сажал.
А как рады были детишки
На дачу с отцом приезжать,
Они щебетали как пташки,
Улыбалась от радости мать.
Но время идет быстротечно,
Бог Хронос за этим следит.
Незаметно выросли дети
Подходит пора их женить.
Уехали дети из дома,
На даче стоит тишина,
Ты стонешь у грядки с морковью,
Тебя беспокоит спина.
У бабки другая болячка,
Ее без конца тяготит:
Сын средний сидит без работы,
Не может семью прокормить.